Идеальная незнакомка

Автор:
Меган Миранда

Идеальная незнакомка

Меган Миранда

Неудавшаяся журналистка Лиа Стивенс бежит в Пенсильванию, чтобы наладить жизнь. Ее подруга Эмма помогает ей затаиться. Но однажды случается странное: у реки находят тело женщины, которая очень похожа на Лию. Все вокруг уверены, что это не случайность. Возможно, Эмма могла бы помочь разобраться в случившемся. Вот только есть одна проблема – полицейские говорят, что ее никогда не существовало.

Меган Миранда

Идеальная незнакомка

© Борисова Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Луису

Пролог

Кот, облюбовавший закуток под крыльцом, вернулся. Принялся вновь царапать доски, на что деревянный пол в спальне отозвался громким скрежетом. Кот неутомим, он точит когти, метит территорию – и глухая ночь ему не помеха.

Я спустила ноги с кровати, потопала ими по дереву, подумала: «Пожалуйста, дай поспать»; это стало моей неизменной мольбой ко всему живому и неживому вокруг – уж не знаю, кто из созданий природы дежурит по ночам.

Царапанье стихло, и я нырнула назад под простыню.

Другие звуки, более узнаваемые: скрип старого матраса, сверчки, завывание ветра над долиной. Все напоминало о моей новой жизни – кровать, в которой я спала, долина, в которой я жила, шепот во тьме: «Ты здесь».

Я была воспитана и создана для городской жизни, росла под аккомпанемент голосов с улицы, автомобильных гудков, шума ночных поездов. Постоянно слышала над головой шаги, стук дверей, бегущую по трубам в стенах воду. Я умела под все это спать.

Тишина нынешнего дома порой тревожила. Но она была лучше животных.

К Эмми я привыкла. Она подкатывала к дому, двигатель автомобиля умиротворяюще плевался, ее шаги в коридоре убаюкивали. Но вот кот, сверчки, совы, койот – на них требовалось время.

Четыре месяца, и они наконец прошли, как проходят зима или лето.

* * *

Мы приехали летом – сначала Эмми, а через пару недель я. Спали с закрытыми дверями и включенным на полную мощность кондиционером, наши комнаты располагались друг против друга, через коридор. Тогда, в июле, впервые услышав крик в ночи, я подскочила в кровати и подумала: «Эмми».

Это был сдавленный, низкий стон, будто кто-то умирает, и мое воображение услужливо дополнило звук картинкой: Эмми плохо, она хватается за горло, корчится в предсмертных муках на пыльном полу. Я пролетела через коридор и едва успела дернуть дверную ручку (заперто), как Эмми сама распахнула двери и вытаращила на меня огромные глаза. Я вдруг вновь увидела ее такой же, как в нашу первую встречу, сразу после колледжа. Нет, просто темнота решила надо мной подшутить.

– Слышала? – шепнула Эмми.

– Я думала, это ты.

Ее пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, лунный свет из незанавешенного окна ярко высветил белки глаз.

– Что это такое? – спросила я.

Эмми жила на лоне природы, много лет работала в Корпусе мира, она привыкла к необычному.

Еще один крик. Эмми вздрогнула – источник звука располагался прямо под нами.

– Не знаю.

Она выглядела гораздо худее меня. Восемь лет назад было наоборот, но за годы скитаний Эмми утратила округлости и сдала. Теперь ее хотелось защищать, укрывать от бед, ведь от нее только и остались, что острые углы да бледная кожа.

Однако именно Эмми отмерла первой, бесшумно двинулась по коридору, почти не касаясь пятками пола. Я пошла следом, ступая невесомо и едва дыша.

Я поднесла руку к стационарному телефону на стене в кухне – на всякий случай. Но Эмми решила по-другому. Взяла из ящика фонарик, медленно приоткрыла входные двери и шагнула на деревянное крыльцо. Лунный свет смягчал ее очертания, ветерок играл темными волосами. Она повела лучом фонаря по границе деревьев и начала спускаться.

– Эмми, подожди, – позвала я, но она, не обращая на меня внимания, легла животом на землю.

Посветила под крыльцо, что-то вновь взвыло. Я стиснула деревянные перила, а Эмми вдруг перекатилась на спину, беззвучно затряслась и наконец захохотала – дикий смех взорвал ночное небо.

Шипение, комок меха выскочил из-под дома и молнией рванул в лес, следом еще один. Эмми села. Плечи по-прежнему ходили ходуном.

– Мы живем над кошачьим борделем, – объявила она.

На моих губах заиграла улыбка. Какое облегчение!

– Теперь понятно, почему дом сдают так дешево, – сказала я.

Смех Эмми постепенно замер, ее внимание привлекло что-то еще.

– Смотри! – худая рука ткнула в небо у меня за спиной.

Полнолуние. Нет, суперлуние. Так это называется. Желтая луна, совсем близко – словно вот-вот упадет на нас. Она сводит с ума людей. От нее шалеют коты.

– Можно закрыть дыру шлакоблоком, – предложила я. – Тогда животные не пролезут.

– Точно.

Ничего мы, конечно, не закрыли.

* * *

Эмми нравились коты. Ей нравились старые деревянные дома с креслом-качалкой на крыльце; еще: водка, метание дротиков в процессе употребления водки и судьба.

В последнем Эмми была большим специалистом.

Потому она точно знала, что совместный переезд сюда – решение правильное; никаких сомнений, никаких раздумий. Судьба вновь свела нас вместе, через восемь лет после нашей последней встречи мы с Эмми столкнулись в полутемном баре.

– Это знак, – возвестила Эмми.

Поскольку я была пьяна, заявление прозвучало логично, мои несвязные мысли переплелись с ее мыслями, нейронные цепи замкнулись.

Коты, видимо, тоже знак – только чего? Еще: суперлуние, мерцание светлячков в унисон со смехом Эмми и густой влажный воздух вокруг.

С тех пор при любом шуме, при любом моем вскакивании с потертого коричневого дивана или со стула у пластикового кухонного стола Эмми лишь пожимала плечами:

– Просто коты, Лия.

И все же неделями мне снились живущие под нами страшные создания. Выходя из дома, я перемахивала ступеньки одним большим прыжком, как ребенок. Воображала тварей, которые свиваются клубком или припадают к земле, только желтые глаза горят во тьме. Змеи. Еноты. Бешеные бродячие псы.

Вчера, к примеру, один из коллег-учителей обронил, что к его дому забрел медведь. Небрежно так: медведь забрел во двор. Словно речь шла о сущей ерунде – граффити на мосту или перегоревшем фонаре на улице. Подумаешь, медведь.

– Не любите медведей, мисс Стивенс? – улыбнулся коллега во все тридцать два зуба.

Он был немолод и дрябл, преподавал историю и предпочитал ее настоящему времени, носил тугое обручальное кольцо, кожа вокруг которого протестующе пучилась.

– Кто же их любит? – заметила я, пытаясь обойти историка, но тот застыл посреди коридора.

– Когда переезжаешь в медвежий край, медведей следует полюбить. – Голос коллеги звучал слишком громко. – Здесь их дом, а вы его захватчики. Где же медведям жить?

…Залаяла соседская собака, и я уставилась в щель между занавесками, стала ждать рассвета.

В подобные мгновения, несмотря на все мои надежды – лоно природы, очарование деревянных хижин с креслами-качалками, возможность начать сначала, – я жутко тосковала по городу. Жаждала его, как бодрящего глотка кофе поутру, как азарта от погони за сенсацией, как восторга от своего имени в печати.

Летом, сразу после переезда, случались периоды долгого покоя, когда череда дней приветствовала меня блаженным отсутствием мыслей. Утром я открывала глаза, наливала кофе, сходила вниз по деревянным ступеням и ощущала удивительную близость с землей, с мощной стихией, о которой раньше и не подозревала: ступни мои прорастали в почву, травинки стелились между пальцами, природа принимала меня, вбирала в себя.

Однако затем покой уступал место пустоте, и в теле начиналось некое волнение – будто оживала мышечная память.

Порой я мечтала: вот бы какой-нибудь гнусный вирус уничтожил интернет на всей планете, начисто стер о нас все данные. Тогда я могла бы вернуться. Начать заново. Стать той Лией Стивенс, которой планировала быть.

Глава 1

Характер – вот как Эмми окрестила причуды нашего домика: слабый напор воды в душе, несуразную планировку. Большие раздвижные стеклянные двери вели с крыльца прямо в гостиную и кухню, дальше шел коридор с двумя спальнями и

общей ванной. Обычная входная дверь располагалась в другом конце коридора и смотрела на лес, словно при закладке домику придали правильные габариты, но неправильную ориентацию.

Пожалуй, самое лучшее в домике было то, что он – мой. Хотя это не совсем верно. Мое имя стояло в договоре аренды, моя еда лежала в холодильнике, мое моющее средство оттирало цветочную пыльцу с раздвижных стеклянных дверей.

Однако сам дом принадлежал другому человеку. Мебель – тоже. Я мало что привезла с собой из Бостона, из односпальной квартирки в знаменитой высотке Пруденшел-центра. Да и не так уж много вещей я там нажила: барные стулья, не подходящие к стандартному столу; два комода, небольшой диван и кровать, которую дешевле выкинуть, чем транспортировать.

Возможно, мое критическое отношение к нынешнему жилью вызвали мамины слова?

Я решила объяснить ей свой отъезд из Бостона благородными мотивами, сыграть на ее любви к милосердию и порядочности. Друзьям она характеризовала нас с сестрой так: «Ребекка помогает тем, кого можно спасти, а Лия говорит от имени тех, кого спасти нельзя». Поэтому кардинальные перемены в моей жизни мама наверняка преподнесет под соусом: «Дочь решила сделать перерыв в карьере – ради помощи нуждающимся детям». Если уж кто и сумеет всех убедить, то только мама.

Я выдала идею переезда за свою, не стала рассказывать, что на самом деле я просто ухватилась за чужой план, что мне больше некуда податься, что чем дольше я бездействую, тем теснее смыкается вокруг меня кольцо.

Мы с Эмми уже внесли задаток; я торопила время, грезила о новом мире. Все собиралась с духом для звонка. Хотела застать маму по дороге на традиционное кофепитие с «девочками». Репетировала речь, готовила контраргументы.

– Я увольняюсь и уезжаю из Бостона. Буду преподавать в старшей школе, уже и работу подыскала. Западная Пенсильвания. Ты ведь знаешь, даже у нас в Америке много мест, где люди бедствуют. Нет, я не одна. Помнишь Эмми? Я жила с ней, когда проходила стажировку после колледжа. Мы едем вместе.

Первой реакцией мамы было:

– Не помню я никакой Эмми.

Словно это самое важное. Впрочем, именно так мама и действовала: упирала на мелочи и в конце концов добивалась пожертвования даже от самых несговорчивых. Вместе с тем ее манера вести расспросы помогала нам разобраться, надежны ли наши планы, не основываем ли мы их на зыбкой мечте, не рухнут ли они при первом же испытании.

Я поднесла телефон к другому уху.

– Я жила с Эмми после колледжа.

В наступившей тишине отчетливо слышались мамины мысли: «Точнее, после того, как тебя не взяли на обещанную работу, и ты пошла на неоплачиваемую стажировку и осталась без жилья?»

– Я думала, ты поселилась с… как же ее звали? Рыженькая такая девочка? В колледже вы жили в одной комнате?

– Пейдж. – Я, как обычно, представила не только ее, но и Аарона. – Да, сначала с Пейдж, но только первое время.

– Ясно, – протянула мама.

– Я не прошу у тебя разрешения, мам.

Его-то я как раз и просила. Она это понимала. Я тоже.

– Приезжай домой, Лия. Приезжай, давай все обсудим.

Ее руководящие указания вели нас с сестрой к высоким достижениям, начиная со средней школы. Мама берегла нас от своих собственных ошибок и промахов. Растила независимых успешных дочерей. А я ставила этот статус под угрозу.

– Не понимаю. – Мама зашла с другой стороны. – Ты ни с того ни с сего взяла да и уволилась?

– Да.

– Почему?!

Я закрыла глаза и представила, будто мы – совсем не мы, будто я могу смело ответить: «Потому что у меня проблемы, ужасные проблемы». Затем расправила плечи и выдала заготовленную речь:

– Потому что я хочу заниматься чем-нибудь важным. Не просто добывать и пересказывать факты. В газете я лишь тешу свое самолюбие, больше ничего не делаю. В стране не хватает учителей, мам. Я могу быть полезной, по-настоящему.

– Да, но почему в Западной Пенсильвании?

Мамин тон был весьма красноречив. Из рассказов Эмми я представляла Западную Пенсильванию новой разновидностью знакомого мне мира, где есть место для новой – другой – меня. Заманчивая перспектива. Однако мир моей мамы имел форму подковы. Он описывал дугу от Нью-Йорка до Бостона, охватывая весь Массачусетс (но огибая Коннектикут). Мама осела в эпицентре – западном Массачусетсе – и удачно разместила на каждом конце подковы по дочери. Создала правильный, совершенный мир. Переезд в любое место за пределами дуги приравнивался к неудаче той или иной степени.

Всего лишь одно поколение отделяло мою семью от жизни, которая выглядела так: арендованная квартира с жутким водопроводом, необходимость снимать комнату с кем-нибудь на пару, город с незапоминающимся названием, бесперспективная работа. Когда отец ушел, я по малолетству еще не понимала масштабов бедствия. Но знала – первое время мы целиком зависели от милости окружающих. Тяжелые годы неопределенности, о которых мама никогда не рассказывала и о которых сейчас предпочитала забыть. Словно их и не существовало.

Наверное, для нее мое решение означало шаг назад.

– Хорошие учителя нужны везде, – ответила я.

Мама помолчала, затем вроде бы уступила – медленно и неохотно произнесла: «Да».

Я положила трубку – получилось! – но облегчение тут же сменилось болью. Мама вовсе не уступила. Хорошие учителя нужны везде, да, но ты к ним не относишься.

Она не хотела меня обидеть. Мы с сестрой были отличницами, получали государственную стипендию, нас обеих с радостью приняли в колледжи. Мама имела полное право усомниться в моем решении – тем более столь внезапном.

«Уволилась», – сказала я ей. Не солгала, просто сообщила урезанный вариант правды. На самом деле увольнение оказалось наиболее приемлемым вариантом – и для газеты, и для меня. На самом деле я потеряла работу в той единственной сфере, где я профессионал, а новой не нашла – и не найду никогда. На самом деле хорошо, что мама дала мне столь банальное имя, – ох и ненавидела же я его в детстве! С таким именем легко раствориться в толпе, стать незаметной. Рядовое имя из рядового списка.

* * *

Я уже собралась в школу, а Эмми еще не приехала. Обычное дело. Она работала в ночную смену, да еще встречалась с неким Джимом, чьи легкие – судя по голосу в телефонной трубке – давным-давно выел табачный дым. Я считала, что Джим ни капельки не подходит Эмми и что она незаметно скатывается назад, как и я. Однако я прощала ей эту слабость – знала, как влияют на людей здешние места, как легко покой уступает место пустоте и как хочется иногда ощутить рядом чье-нибудь присутствие.

В будни мы с Эмми, бывало, не виделись по несколько дней подряд. Но сегодня четверг, я должна внести арендную плату. Эмми всегда оставляла деньги на столе, под разноцветным садовым гномом – она его нашла и водрузила в центре стола в качестве украшения. Я в очередной раз подняла гнома за красную шляпу и убедилась, что под ним пусто, – лишь несколько крошек.

Задержки с выплатами тоже были для Эмми делом обычным.

Я оставила ей записку возле стационарного телефона – на нашей «доске объявлений». Написала большими буквами «АРЕНДНАЯ ПЛАТА» и прижала клейкий листок к деревянной стенной панели. Все записки, которые я писала в начале недели, Эмми сняла: ГЛЯНЬ СЧЕТ ЗА ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, МИКРОВОЛНОВКА СЛОМАНА, МИКРОВОЛНОВКУ ПОЧИНИЛИ.

Я раздвинула стеклянные двери, стукнула по выключателю, поискала в сумочке ключи от машины – и поняла, что забыла мобильный. Повернула назад; сквозь распахнутые двери в дом ворвался ветер; желтый бумажный листок – АРЕНДНАЯ ПЛАТА – спланировал на пол и скользнул под деревянную этажерку, куда мы складывали почту.

Я заглянула под этажерку и обнаружила там настоящее безобразие. Много клейких листков. ПОЗВОНИ ДЖИМУ – надпись наполовину скрывал другой квадратик. Еще записки, лицом вниз. Выходит, Эмми их не снимала, они просто падали в щель между мебелью и стеной – причем не одну неделю.

Мобильного у Эмми не было – прежний номер остался подключен к тарифному плану бывшего парня, а она не хотела выдавать ему свое местонахождение. Без мобильного телефона я бы чувствовала себя голой и беспомощной, но подруга утверждала, что жить без него здорово, никто тебя не дергает. Поначалу это казалось милым чудачеством – Эмми ведь такая оригиналка! – но теперь выглядело неразумным эгоизмом.

Я сгребла записки и оставила их на столе. Прислонила к садовому гному. Попробовала вспомнить, когда я последний раз видела Эмми.

Добавила еще одну записку: ПОЗВОНИ МНЕ.

Остальные решила выбросить – чтобы мой призыв среди них не затерялся. И поехала в школу.

Глава 2

Главную дорогу перекрыли – в конце, где она сворачивала к озеру. Там стояла патрульная машина, на ней мигали красно-синие огни; регулировщик направлял транспорт мимо поворота. Я убрала ногу с педали газа и ощутила знакомое волнение.

На журналистской работе я привыкла к некоторым особенностям, характерным для любого места трагедии: аварийно-спасательные автомобили, оградительная лента, плотная толпа зевак, дружно склонивших головы в порыве скорби. Однако, кроме внешних признаков, есть кое-что еще – потрескивание в воздухе. Вроде статического электричества.

Оно манило меня, это потрескивание.

Проезжай, Лия. Не останавливайся.

Но что-то ведь произошло – и всего в двух милях[1 - 1 миля равна 1,62 км.] от нашего дома. Эмми до сих пор не вернулась. Если она попала в аварию, кому позвонят полицейские? Как меня найдут? Вдруг Эмми в больнице, одна-одинешенька?

Я проехала мимо регулировщика и затормозила на следующем повороте. В спешке оставила незапертую машину возле недостроенного клуба у озера и пошла назад к заграждению. Чтобы не попасть на глаза полицейскому, я держалась деревьев.

Земля здесь имела уклон; внизу, у илистой кромки воды, росла высокая трава. Там застыла группка людей. Все неподвижно смотрели в одну точку в траве. Никаких машин. Никакой аварии.

Я заскользила с холма, загребая туфлями грязь – скорее, скорее.

В крови бурлил адреналин, в душу закрадывался ужас, однако я мыслила ясно. Представляла, что здесь могло произойти.

Я специально вырабатывала в себе бесстрастность в начале карьеры – когда вид крови повергал в шок, когда чувства захлестывали, когда в обмякшем лице незнакомца я видела тысячу картин его непрожитой жизни. Умение

отстраняться стало частью моего профессионального мастерства. Теперь оно включалось помимо моей воли.

Когда имеешь дело с настоящими преступлениями, по-другому не выжить: свежая кровь, кости, психология насилия… Позволь чувствам проникнуть в статью, и читатель узрит лишь тебя. Ты должен оставаться невидимкой. Ты должен быть глазами и ушами, винтиком истории. Факты – тяжелые, страшные, мучительные факты – необходимо рассортировать, проанализировать. И двинуться дальше, навстречу новым происшествиям. И так – пока не сломаешься.

Мышечная память сработала. Я брела сквозь траву, а Эмми тем временем распадалась на фрагменты, превращалась в набор фактов: четыре года в Корпусе мира; бегство от злобного бывшего в здешние места; ночная работа в вестибюле мотеля, временами – уборка квартир. Незамужняя женщина, пять футов пять дюймов[2 - Сто шестьдесят пять сантиметров. (Здесь и далее прим. перев.)], худощавая, темные ровные волосы до плеч.

Косые солнечные лучи проникали сквозь деревья, отражались от водной глади. Полицейские изучали заросли в отдалении, но рядом стоял постовой – спиной к группе свидетелей, не подпускал ближе.

Я подошла к ним. Никто не обратил внимания. Женщина рядом со мной была в банном халате и тапочках, волосы с проседью выбивались из заколки.

Я проследила за их единым напряженным взглядом. Засохшее пятно крови в траве возле постового, отмеченное оранжевым флажком. Рой мошкары в утреннем воздухе. Несколько конусов вокруг пустого участка земли.

– Что произошло? – Я удивилась тому, что мой голос дрожит.

Женщина не реагировала, так и стояла, скрестив руки и впившись ногтями в кожу.

Возьмите интервью у свидетелей трагедии, и они скажут: «Все произошло так быстро».

Скажут: «Все как в тумане».

Свидетели выдают обрывочную информацию, а мы додумываем остальное. Они забывают. Смутно помнят. Если подойти к ним сразу после происшествия, их еще будет трясти.

Люди вокруг меня выглядели именно так. Стискивали собственные плечи, прижимали руки к животу.

Однако поместите на место преступления меня, и все замедлится, начнет тихонько закипать, побулькивать. Я запомню мошкару над травой. Пятно крови. Затоптанный бурьян. Но в основном – людей.

– Бетани Джарвиц, – произнесла женщина, и тугой комок у меня в груди чуть ослаб. Не Эмми, значит. Не Эмми. – Избили и бросили здесь.

Я кивнула – будто поняла, о ком речь.

– Ее нашли дети, когда играли возле автобусной остановки. – Кивок в сторону дороги, с которой я пришла. Детей там уже не оказалось. – Если бы не они… – Собеседница поджала губы, они побелели. – Бедняжка живет одна. Кто бы заметил ее исчезновение? – Пожатие плечами. – Столько крови было…

Женщина опустила взгляд на свои тапки, я посмотрела туда же. На носках виднелись ржаво-бурые пятна, словно она по этой самой крови ходила.

Я вновь глянула на дорогу. Услышала потрескивание рации, приказы полицейского. Это не имело никакого отношения ни к Эмми, ни ко мне. Нужно было уходить – пока я не стала частью толпы, ведь ею неизбежно заинтересуются полицейские. Мое имя фигурировало в событиях, которые я стремилась позабыть любой ценой. Судебный запрет на приближение, угроза возбуждения дела, хриплый шепот моего шефа, его побелевшее лицо:

– Господи, Лия, что ты натворила?

Я сделала шаг назад. Еще один. И побрела прочь, расстроенно глядя на испачканные туфли.

На полпути к машине услышала за спиной шорох. Резко обернулась, нервы на взводе – и уловила слабый запах пота.

Из травы вспорхнула птица, крылья разорвали тишину, больше ничего.

Я вспомнила шум среди ночи. Лай собаки. Время.

Какой-нибудь зверь, Лия.

Медведь.

Просто коты.

* * *

В школу я почти опоздала. К началу занятий успела, но полагалось приезжать до первого звонка. Перед главным входом ждала очередь из ученических машин, поэтому я проскочила через автобусную стоянку (не приветствуется, но и не запрещается), припарковала автомобиль на учительской стоянке за своим крылом и, воспользовавшись ключом, проскользнула в здание через пожарный выход (тоже не приветствуется, но не запрещается).

На пороге классов перешептывались учителя. Видимо, в школу уже долетели новости о женщине у озера. Здешняя жизнь совсем не походила на городскую, где жестокие преступления происходили ежедневно, где вой сирен составлял постоянный звуковой фон, а их приближение ничего не означало. Там бы мою газету не заинтересовала история про найденную на берегу озера женщину – про выжившую женщину.

Глава 3

Шептались не только учителя.

Гудела вся школа. Гул тек по коридорам, вливался в классы вместе с учениками и набирал силу, пока они занимали места. Рука ко рту: «О боже!» Потрясенное восклицание, склоненные друг к другу головы. Все явно обсуждали женщину, найденную у озера.

Что ж, все понятно. На первом уроке порядка не добиться.

Такое иногда случалось: школа начинала гудеть. Для меня это было все равно что слушать разговор на незнакомом языке. Новости, передаваемые тайнописью; закорючки, смысл которых я уже давным-давно забыла.

Я подозревала, что непонимание проистекало не только из разницы в возрасте. Наши ученики были особым, переходным, видом: в школу поступали нескладные дети, с ломкими голосами и угловатыми фигурами, а заканчивали ее совсем иные создания. Округлости и мускулы – и непривычная сила, скрытая за тем и другим.

«Ведите себя хорошо», – твердили мы. И «детки» сидели за партой, томились и выжидали, лишь чей-то каблук выстукивал по полу маниакальный ритм. По звонку с урока они вскакивали с мест, летели к двери, точно по зову дикой природы, а в классе еще долго стоял крепкий запах мяты и мускуса.

Я никак не могла взять в толк – от меня и правда ждали, что я их чему-то научу? Эти дети воспринимали школу как временную тюрьму.

Неужто и я когда-то была такой? Вряд ли. Я толком не помнила. Но, по-моему, я уже тогда фокусировалась на какой-нибудь цели и ничего другого не видела.

Прозвенел звонок на урок, однако гул не утих.

Я достала из сумки стопку проверенных работ по литературе и тут услышала…

Арест.

Живот скрутило. Острое, как бритва, слово; вечная угроза. Никуда от нее не деться, всегда есть ничтожный шанс: ведь мой бывший, Ной, предупреждал – осторожней с этой статьей. Я-то думала – я осторожна, искренне думала.

Помню в колледже лекцию одного профессора, как он впился в меня взглядом – уже тогда что-то во мне учуял? – на словах «в журналистике всякая ложь оборачивается клеветой».

В сущности, даже не это главное. Не юридический термин «клевета». Ложь есть нарушение святейшей заповеди журналистики.

– Уходи, – сказал мне шеф. – И молись, чтобы шум утих.

Так я и сделала – в результате нас разделил целый горный хребет. Впрочем, в эру информации расстояние ничего не значит. Я решила, что сбежала, – а вдруг нет?

Стоп. Я нелогична. Несколько часов назад у озера нашли избитую женщину; дело в этом.

Я направилась между партами, раскладывая перед ребятами сочинения оценкой вниз. Я наклонялась ближе, фильтровала информацию. Старая привычка.

Коннор Эванс не сводил с меня огромных глаз, и я напряглась. Кто-то из этого класса?

Я обвела взглядом кабинет – кого не хватает? Джея Ти, но Джей Ти опаздывает всегда.

Вот пустое место в третьем ряду, у окна: Тео Бертон.

Несколько недель назад он сдал сочинение на свободную тему, от которого у меня мурашки побежали по коже – однако то был лишь вымысел, я ведь сама задала «что угодно». И все же… В работе Тео чувствовались сила и уверенность, не свойственные его воображению. Рассказ напоминал описание реальных событий. Я зажмурилась, перед глазами заплясали строчки из сочинения:

Мальчик видит ее и знает, что она сделала.

Мальчик представляет обмякшие конечности и цвет – красный.

Если Тео что-то натворил, если эти строки являлись предупреждением – господи, меня привлекут к ответственности.

Я могу сочинить историю в свою защиту, прикрыться: мол, читала работу Тео невнимательно. Это было дополнительное задание. Я не знала.

Тут в дверях возник Тео Бертон, и меня отпустило. По дороге к парте он остановился и оповестил, словно начальник:

– В канцелярии полно копов.

Воротник поднят, туфли без единой царапинки. Культурный мальчик, Тео Бертон в обычной жизни.

Ребята, которые ходили ко мне на второй урок, выложили бы все подробности по собственному почину. Они были девятиклассниками – первогодками в старшей школе – и на меня смотрели с обожанием. Ученики на третьем уроке обрадовались бы любой возможности отклониться от темы, их я могла бы спокойно спросить. Но первый урок… Этот класс взбунтовался еще в начале года, а я не сумела подавить бунт. Будь они достаточно умными или организованными, я приписала бы их успех совместному планированию. Объединились и нанесли скоординированный удар.

Однако я сама совершила ошибку и загнала себя в угол – то же самое я сделала и в жизни. В первый рабочий день я представилась ученикам и сообщила о своем недавнем переезде из Бостона. Я думала, что на ребят из провинциального городка это произведет впечатление. Думала, я их раскусила.

Девочка на задней парте зевнула, и я добавила:

– Я работала журналистом. – Уж теперь-то меня точно зауважают.

Та же девочка глянула на меня исподлобья и ухмыльнулась, точно довольная кошка с птенцом в зубах. Звали ее, как я вскоре узнала, Иззи Марон. Она поинтересовалась:

– Вы преподаете первый год?

Я провела с ними три минуты и уже совершила ошибку. Этим детям ни к чему было знать, что я тридцатилетняя учительница-новичок. Что я начинаю новую жизнь, оплошав в старой.

Школьный день состоял из четырех девяностоминутных пар-уроков, но первая всегда тянулась в два раза дольше остальных…

Иззи Марон устроила совет: к ее парте придвинули стулья, мальчики сгрудились вокруг. Тео Бертон втиснулся между ними, по-хозяйски притянул голову Иззи к себе и зашептал ей на ухо. Она слушала с мрачной важностью.

Я решила попытать счастья с Молли Лафлин, которая держалась на отшибе, – как в прямом, так и в переносном смысле. Остальные увлеченно перешептывались, так что мой маневр имел шанс остаться незамеченным.

– Что произошло? – спросила я.

Я гордилась своим умением находить источники и развязывать им языки, а Молли была легкой добычей. Она сразу сдалась – от потрясения, что я спрашиваю в лоб.

Молли открыла рот, но тут затрещал классный динамик.

– Мисс Стивенс? – произнес он голосом заместителя директора, и в комнате воцарилась тишина.

– Да, мистер Шелдон? – отозвалась я.

Я далеко не сразу усвоила эту загадочную премудрость: учителя обращаются друг к другу именно так. И по переговорному устройству, когда их слышат ученики, и в коридоре, наедине с коллегами. Я не могла привыкнуть к тому, что взрослые люди называют себя по фамилии; допотопная формальность какая-то.

– Вы ненадолго нужны в канцелярии, – прогремел голос Митча Шелдона.

За моей спиной все замерло и стихло; двадцать четыре пары ушей жадно слушали.

В канцелярии полиция, и им нужна я.

Я прикрыла рот рукой, с удивлением заметив, как дрожат пальцы. Пошла за сумочкой, запертой в шкафчике у стены. Тянула время. Понимала – тем, за спиной, известно то, что не известно мне.

Замок шкафчика сработал лишь с третьей попытки.

Иззи хмуро посмотрела на мои трясущиеся руки и спросила:

– Вы слышали?

– Что именно?

Она говорила с напускной важностью, хотя губы ее предательски кривились – Иззи предвкушала, как сейчас меня огорошит. Словно знала, что я не в курсе. Я в который раз приготовилась к худшему.

– Тренера Кобба арестовали за нападение, – объявила Иззи.

Черт.

Уела.

Глава 4

Именно из-за Дейвиса Кобба я стала переводить мобильный в бесшумный режим по ночам. Я игнорировала звонки Дейвиса – он всегда звонил после одиннадцати вечера, всегда по дороге домой из бара. Звонил упрямо.

Дейвис Кобб владел прачечной в городе и подрабатывал в школе тренером по баскетболу, но при первой нашей встрече я этого не знала. Мы познакомились в окружном управлении, где я заполняла документы.

Я приняла Дейвиса за учителя. Все его знали. Всем он нравился. Ему говорили:

– Привет, Дейвис, ты знаком с Лией? С осени вы будете работать вместе.

Он улыбался.

Дейвис Кобб предложил выпить в ближайшем баре – на пальце кольцо, разгар дня, «можете поехать за мной в своей машине». Приглашение казалось обычным проявлением гостеприимства. Дейвис же казался многогранной личностью – пока однажды ночью эта личность не заявилась ко мне на порог…

Навстречу по коридору шла Кейт (мисс Тернер) – хмурилась своим мыслям и меня не замечала. Когда мы поравнялись, она схватила меня за руку и торопливо поделилась тайной:

– Спрашивают, как вел себя с нами Дейвис Кобб, не было ли чего неподобающего. Спрашивают быстро. Очень быстро.

Внутри все сжалось. Есть ли какие-нибудь доказательства? Распечатки телефонных звонков? Не из-за них ли динамик над головой проскрипел мое имя?

– Ты как? – Кейт словно прочла что-то в моем молчании.

Наши классы были расположены друг напротив друга, и за несколько месяцев такой «близости» Кейт стала мне симпатична. Теперь я переживала, не слишком ли она догадлива.

– Жутковатая история. – Я изобразила растерянность. – Спасибо за предупреждение.

В канцелярии перед дверью в конференц-зал стоял Митч Шелдон. Словно охранник: руки скрещены на груди, ноги на ширине плеч; даже мокасины и штаны цвета хаки. При моем приближении он опустил руки. Митча я, пожалуй, назвала бы своим здешним наставником и другом, однако сейчас его лицо было непроницаемо.

За открытой дверью в конференц-зал двое мужчин в темных пиджаках сидели за овальным столом и пили кофе из одноразовых стаканчиков.

– Что случилось? – спросила я.

– Господи. – Митч понизил голос и подался ко мне. – Утром забрали Дейвиса Кобба – за нападение. Я сам только узнал. Приехал сюда, и звонки так и посыпались! Пресса, родители…

В приемной канцелярии, чьи стеклянные окна смотрели на школьный вход, действительно оказалось полно полицейских. Тео не соврал. Но ни там, ни здесь – в коридоре за приемной – не наблюдалось ни одного учителя. Только Митч и я.

Он кивнул на двери зала.

– О тебе спрашивали. – Сглотнул. – Беседуют со всеми женщинами, но тебя назвали по имени.

Вопрос на грани обвинения.

– Спасибо, Митч.

Я вошла в зал и закрыла за собой дверь. Я ошиблась – полицейских было трое. Двое мужчин в одинаковой одежде – видимо, внутрицеховый дресс-код – и женщина в штатском.

Мужчина, сидевший ближе, встал – я разглядела жетон у него на ремне – и окинул меня оценивающим взглядом.

– Лия Стивенс?

– Да.

Я одеревенела, свесив по бокам руки, – беззащитная, словно экспонат в витрине.

Полицейский протянул руку.

– Детектив Кайл Донован.

Из двух мужчин он был моложе, выглядел более ухоженным и представительным. Я приняла его за главного. Может, это объяснялось его хорошей физической формой и прямым взглядом – а может, моей предвзятостью. Мне нравились мужчины такого типа.

Я пожала руку сперва младшему копу, затем, перегнувшись через стол, – старшему.

– Детектив Кларк Эган, – представился тот.

Короткие, с проседью, баки; фигура не такая крепкая, как у коллеги, да и глаза без блеска. Детектив Эган склонил голову набок, затем переглянулся с детективом Донованом.

– Элисон Конуэй. – Роль по-прежнему не ясна, деловой костюм, волнистые светлые волосы до плеч.

– Спасибо, что согласились на встречу, – произнес Донован.

Будто я могла не согласиться. Он сел и указал на кресло напротив.

– Всегда пожалуйста. – Я тоже села. – Слушаю.

– У нас лишь несколько вопросов. Дейвис Кобб. Вы его знаете?

– Конечно. – Я скрестила ноги и постаралась придать себе расслабленный вид.

– Давно? – продолжал Донован.

– Мы познакомились в июле, когда я проходила регистрацию в окружном управлении.

Отпечатки пальцев, тест на наркотики, проверка анкетных данных. Учителя и полицейские, последний оплот незапятнанных профессий. Вас изучают лишь на

предмет уголовного прошлого, гражданские иски никого не интересуют. «Почти» не считается. Шестое чувство – тем более. Сколько разных лазеек! Сколько нюансов, о которых не расскажет ни один список правонарушений и вождений в нетрезвом виде.

Взять, к примеру, Дейвиса Кобба…

– Вы дружили? – спросил детектив Донован.

– Да нет. – Я старалась не ерзать, с переменным успехом.

– Он общался с вами напрямую? Звонил?

Я кашлянула. Вот оно. Доказательство, причина, по которой меня выдернули из класса. Осторожно, Лия.

– Да.

Детектив Донован встрепенулся, в глазах вспыхнул огонек.

– С вашего согласия? Вы сами дали номер?

– В школе есть каталог, там указаны наши телефоны. Мы все имеем доступ к информации.

И телефоны, и адреса, как выяснилось.

– Когда Дейвис Кобб звонил вам последний раз? – вмешался детектив Эган.

Я решила: раз спрашивают – значит, знают. Ждут подтверждения, доказательств моей благонадежности.

– Вчера вечером, – сообщила я.

Детектив Донован неотрывно смотрел на меня, слушал, но не записывал, ручка висела в воздухе.

– О чем вы говорили?

– Мы не говорили. – Я поджала губы. – Голосовое сообщение.

– Что в нем было?

– Я его удалила.

Идея принадлежала Эмми. Несколько недель назад она хмуро кивнула на телефон у меня в руках – что, опять козел Кобб? – и, получив утвердительный ответ, заявила:

– Ты не обязана слушать его послания. Можешь просто удалять.

Столь пренебрежительное отношение к информации показалось мне запредельным, однако было в этом и что-то необъяснимо притягательное: сделать вид, будто никаких посланий не существовало вовсе.

Детектив Эган открыл рот, но женщина – Элисон Конуэй, роль не ясна – его опередила.

– Часто такое бывает?

Из распечатки телефонных звонков они знали, что часто.

– Да. – Я положила руки на стол. Передумала. Убрала вниз.

Детектив Донован подался вперед – руки на столе, голос тихий.

– Почему Дейвис Кобб звонит вам каждый вечер, мисс Стивенс?

– Понятия не имею, я не беру трубку.

Вовремя я спрятала руки – они сами собой сжались в кулаки, костяшки наверняка побелели.

– Почему вы не берете трубку? – поинтересовался Донован.

– Потому что он названивал мне пьяный, раз за разом. Вы бы на моем месте снимали трубку?

Кобб упивался этой привычкой. Тяжелое дыхание, ночные звуки, шум ветра – когда я еще слушала сообщения, пыталась расшифровать. Будто знание само по себе было способом дать отпор. Однако вместо уверенности я ощущала смутное беспокойство. Видимо, Кобб хотел внушить мне, что он рядом. Наблюдает.

За дверями зала стоял Митч Шелдон и наверняка подслушивал.

– Какие у вас были отношения? – вновь вмешался Эган.

– Пьяный Дейвис Кобб названивал мне поздними вечерами, детектив, вот и вся суть наших отношений.

– Он вам угрожал?

– Нет.

Ты одна дома, Лия? Не интересно, кто на тебя сейчас смотрит?

Голос настолько тихий, что я прижимала телефон к уху и гадала – а вдруг Кобб тут, по другую сторону стены?

– Его жена знала? – спросил Эган, подразумевая нечто большее.

Я помолчала.

– Нет. Можно смело считать, что жена не знала.

* * *

Задолго до звонков случился субботний вечер: шум машины на улице, урчание двигателя тише и ровнее, чем у автомобиля Джима. Эмми спала, я читала в гостиной. Шаги – и на крыльце, словно привидение, вдруг возник Дейвис Кобб. Постучал в стеклянные двери, глядя прямо на меня.

– Лия, – выдохнул он, когда я, словно приглашая, чуть раздвинула двери.

От него пахло спиртным, он наклонялся все ближе, запах смешивался с ароматом ночного воздуха. Пришлось придержать двери рукой, чтобы Дейвис не распахнул их во всю ширь.

– Ну же, – бормотал он. – Я думал, мы друзья.

Только подразумевал совсем другое.

– Поздно. Ты все неправильно понял. – Я задержала дыхание.

Пожалуйста, пусть ситуация как-то рассосется…

– Считаешь себя выше всех нас, а, Лия?

Я помотала головой. Я так не считала.

– Уйди, пожалуйста.

За спиной у меня скрипнуло, где-то в глубине коридора, и Дейвис наконец отступил в ночь. Я всматривалась в темноту, пока двигатель его машины не затих вдали.

Я обернулась – из полумрака своей комнаты выглядывала Эмми.

– Все нормально?

– Просто парень с работы. Дейвис Кобб. Уже ушел.

– За руль ему нельзя, – заметила Эмми.

– Нельзя, – согласилась я.

* * *

В конференц-зале было тепло. Эган поерзал, шепнул что-то Конуэй. Донован наблюдал за мной.

– Кобб напал на женщину? О которой все говорят, Бетани Джарвиц? – спросила я, глядя Доновану в глаза.

– Вас бы это удивило? – задал он встречный вопрос, и внимание остальных вновь переключилось на меня.

Я помолчала. Раньше, до встречи с Эмми, я бы ответила «да».

– Нет.

Во взгляде детектива Донована мелькнуло нечто, похожее на сочувствие. Мне это не понравилось.

– У вас есть на то причины? – осведомился он.

Дейвис Кобб женат, уважаемый член общества, владелец небольшого бизнеса, баскетбольный тренер в старшей школе. Давным-давно, когда меня жестоко ткнули носом в реальность, я узнала, что все эти характеристики яйца выеденного не стоят. Так чему тут удивляться?

– В общем-то нет, – ответила я.

Донован подался ближе, оглядел меня – коротко, деловито.

– Вы знаете Бетани Джарвиц, мисс Стивенс?

– Нет.

Он достал из папки фото, постучал ребром о столешницу, словно что-то взвешивая. Наконец принял решение и бросил фотографию на стол. Развернул лицом ко мне.

– О… – выдохнула я.

Похоже, Дейвису Коббу нравились женщины определенного типа: с каштановыми волосами и голубыми глазами, с широкой улыбкой и тонким носом. Девушка на снимке выглядела смуглее – а может, просто загар? – и волосы носила длиннее, и между двумя передними зубами виднелась небольшая щель, но схожестей было больше, чем различий. Окажись в моем классе настолько похожие ученицы, я напоминала бы себе: Бетани – та, которой нужны брекеты.

– Ее обнаружили меньше чем в миле от вашего дома, в темное время суток.

В темное время суток нас запросто можно было бы спутать.

Кто-то хрустнул пальцами под столом.

– Мы просим вас дать официальные показания, – сказал Эган и кивнул на Элисон Конуэй.

Вот тут-то ее роль и прояснилась. Элисон Конуэй должна взять у меня показания. Она – адвокат жертвы и просто женщина, которая проявит такт при обсуждении деликатной темы.

– Нет, – возразила я.

Я не желаю впутываться ни во что, ни при каких условиях. У меня новая жизнь, и имя мое должно быть чистым. Я больше не стану открываться всем подряд.

До отъезда из Бостона, до того, как там запахло жареным, я встречалась с Ноем уже полгода, а дружила и того дольше. Мы работали в одной газете, и конкуренция нас только подзадоривала. Однако я ошибалась, считая его похожим на себя. Именно Ной меня выдал. Именно Ной разрушил мою карьеру. Впрочем, он наверняка сказал бы, что я сама во всем виновата.

Участие в этом деле уничтожит то хрупкое равновесие, которого удалось достичь в Бостоне. Мне лучше исчезнуть, мое имя не должно попасть в прессу, не должно быть связано с правоохранительными органами.

– Это поможет расследованию, – произнес Донован, и Конуэй бросила на него быстрый взгляд.

– Нет, – повторила я.

– Если Дейвис Кобб вас преследовал… – начала она. Голос звучал мягко, душевно. Сиди Элис Конуэй ближе, она бы наверняка попробовала взять меня за руку. – Ваши показания помогли бы расследованию. Помогли бы Бетани и вам. Уберегли бы других.

– Без комментариев, – заявила я, и Конуэй посмотрела на меня с подозрением.

Это был шифр, который означал – отвалите! Или – я не разрешаю упоминать свое имя в печати! Или – ищите себе другого стукача! Однако здесь такого шифра, похоже, не понимали.

Я отодвинула стул, и до них наконец дошло.

– Спасибо, мисс Стивенс, что уделили нам время. – Кайл Донован встал и протянул мне визитку.

В прошлой жизни я истолковала бы его взгляд как проявление симпатии. И мне бы это понравилось.

Я пошла к выходу. В дверях помедлила.

– Надеюсь, с ней все будет хорошо.

* * *

Я оказалась права. Митч ждал за дверью.

– Лия, – позвал он, когда я проходила мимо.

Значит, дело серьезное, раз в школьных стенах употребили мое имя.

– Мне нужно в класс, Митч, – не остановилась я.

Прошла мимо административных кабинетов и через черный выход попала из канцелярии прямиком в аудиторное крыло.

Во время уроков школа казалась совсем другим существом. Где-то в конце коридора упал карандаш, медленно покатился по полу. В туалете спустили воду. Мои шаги звучали гулко и отчетливо.

Переступив порог класса, я наконец выдохнула. Пронесло! И тут наткнулась на Кейт Тернер – в мое отсутствие она без устали порхала между нашими классами, присматривала за моими учениками, загрузив их какой-то работой. «Порядок?» – одними губами произнесла Кейт. Она, видимо, вмешалась, когда поняла, что меня допрашивают гораздо дольше ее.

Я благодарно кивнула, изобразив беспечность. «Полный порядок».

После ухода Кейт Иззи Марон подняла руку. Остальные зачарованно наблюдали.

– Да, Иззи?

За спиной тикали часы. На улице урчал двигатель. Пчела билась о стекло.

– Нам интересно, мисс Стивенс, почему о тренере Коббе решили поговорить с вами.

И я поняла – не пронесло, нет.

– Возвращайся к работе.

Ко мне были прикованы взгляды всех учеников. В кои-то веки я пробудила в них то, о чем давно мечтала, – интерес к себе. Заслужила их безраздельное

внимание, вызвала благоговейный трепет.

Я села за стол, открыла свою школьную электронную почту и удалила все письма одним щелчком мышки. Так проще, чем выбирать сообщения Кобба, – все равно в них одно и то же. Наверняка они продолжат свое существование где-нибудь в воздухе, но с земной поверхности их лучше стереть…

Городок, как и я, находился в процессе изменений. Едва переехав, я ощутила с этим местом некое родство. Школа была новенькая, с иголочки, свежевыкрашенная, классы оборудованы по последнему слову техники. В первый день работы во время ознакомительной экскурсии Кейт заметила: «Просто мечта по сравнению с моей предыдущей школой». Не нужно стоять в очереди к принтеру или за неделю подавать заявку на проведение телеурока. Всех нас ждала новая жизнь.

Контингент школы состоял из старичков и новичков: людей, живших тут из поколения в поколение, семей бывших шахтеров, тех, кто не уехал во времена кризиса; и нуворишей, появившихся в городе одновременно с центром обработки данных и принесших с собой надежду на возрождение экономики. Я предвкушала, как стану частью этого возрождения, – вместе со школой, которую открыли в связи с притоком населения. Нас много, мы заодно. Сообща делаем важное дело.

Однако выходило иначе. Рабочие места предназначались не для тех, кто жил здесь раньше. Новые предприятия везли с собой и новых сотрудников. Школы увеличивались в размерах, делились и меняли категории, границы районов перекраивались, возникала потребность в учителях. Во мне – с моим дипломом журналиста, практическим опытом и желанием перебраться в какой-нибудь медвежий угол.

Иззи Марон чавкала жевательной резинкой: и потому, что не должна была жевать на уроке, и потому, что знала – никто ей не запретит. Вертела в пальцах карандаш, внимательно смотрела на меня.

Иззи принадлежала ко второй группе, нуворишей. Вела себя так, словно огромный несуразный дом в безликом районе и безбедная жизнь в медвежьей глуши – повод для гордости.

Порой я из последних сил сдерживала себя, чтобы не встряхнуть Иззи за плечи и не прошептать ей в ухо: «Ты посещаешь бесплатную государственную школу в богом забытой глуши. За пределами этого городка ты – никто, ноль без палочки. Тебя там просто сожрут».

М-да. Лучше мне молчать.

Глава 5

Я уехала пораньше. Четвертая пара была у меня свободной, ее полагалось посвящать бумажной и подготовительной работе и сидеть в школе еще минут пятнадцать после звонка с последнего урока, однако я решила, что сегодня никто придираться не станет. Эмми так и не позвонила, а я хотела застать ее дома. В душу потихоньку вползало смутное беспокойство – тревожное, упрямое. Нужно поговорить с Эмми.

Наш одноэтажный домик с плоской крышей стоял на городской окраине. Эмми влюбилась в него еще до того, как я сюда приехала. По ее словам, он походил на очаровательную бабушкину избушку. Будем с тобой как две старушки, говорила Эмми; вытащим на крыльцо кресла-качалки и сядем вязать. Сначала я увидела это место ее глазами: безмятежная идиллия, где заживет новая, другая, Лия Стивенс, с которой я пока не знакома. Я приехала сюда летом и тоже влюбилась. Все вокруг зеленело, пели птицы, покачивались листья на ветру. Дом был маленьким кусочком большого пейзажа, и я впервые ощутила себя частью чего-то настоящего. Живого.

Дом ютился вдали от магазинов и ресторанов, ближе к озеру, в лесу к юго-западу от воды – на древней земле, где на уличных вывесках красовались фамилии моих учеников. Крошечный песчаный пляж у озера облюбовали гуси, летом им составлял компанию спасатель.

Озеро окружали сплошные заросли, бревна да камни. Лишь в двух-трех кварталах к югу и востоку начинались автозаправки, приличные дороги с кафе и магазинами, пустыри со стройками. Деловой район и школа отстояли и того дальше, еще в нескольких милях к востоку.

– Главное, дом уже с мебелью, – восхищалась Эмми.

Это пленяло. Не то что квартира в Бостоне, где следы предыдущих обитателей стирались начисто. Здесь все дышало историей, а мы были ее частью.

Иногда, если Эмми не зажигала свечу или не оставляла крем открытым, на меня веяло прошлым домика. Нафталин и стеганые одеяла на чердаке, лимонный запах моющего средства в день нашего новоселья. Хлорка в углах ванной – от плесени…

Раздвижные двери были заперты. Я сама закрыла их утром. Эмми, наверное, забежала ненадолго и вновь заперла двери перед уходом. Две ночи назад я на мгновение проснулась от света в гостиной, подумала: «Эмми» – и вновь провалилась в сон.

Войдя, я первым делом ощутила тишину. Потом запах – точнее, отсутствие оного. Ни свечей, ни благовоний, ни ванильно-медового крема. Пока я отсутствовала, Эмми не жарила бекон, не открывала окна. Внутри стоял лишь спертый дух самого дома.

Сколько нужно не видеть человека, чтобы этот срок считался долгим? Человека, с которым живешь под одной крышей, но взрослого и независимого? И довольно непредсказуемого к тому же.

Я не могла определиться. Три дня. Нет, четыре. Три, если пора вносить арендную плату. А уже пора.

С работой Эмми не повезло: здесь не нашлось места в общественной организации, как это было в Вашингтоне, а сидеть целый день в крохотном кабинетике Эмми не хотела – она, мол, не мышь в колесе. Поэтому временно работала кем придется и искала место по душе.

Из-за несовпадения графиков мы виделись лишь по утрам или вечерам, если я рано возвращалась. У Эмми был старый коричневый универсал, который она, по ее словам, позаимствовала. «Арендовала?» – уточнила я. «Позаимствовала», – повторила Эмми. Правда, ездила она на нем не всегда. Иногда машина стояла за углом дома, а Эмми отсутствовала. Иногда ее подвозил Джим.

Он изредка бывал у нас, но я видела его только со спины. Первый раз – когда Джим утром выходил из ванной. Второй – сквозь раздвижные стеклянные двери, когда он топал к своей машине. Широкоплечий, чуть кривоногий, высокий, с волосами песочного цвета. Меня он не заметил ни первый раз, ни второй. Мы встретились глазами лишь однажды, через лобовые стекла машин: гость отъезжал от дома, а я к нему сворачивала. У Джима было узкое лицо с недельной щетиной. Он прикуривал сигарету, бросив руль. Я смерила парня Эмми оценивающим взглядом: тонкие губы, впалые щеки, мешки и морщинки под глазами выдают возраст; потрепанный воротник футболки, волосы чуть выше плеч, поворот головы в мою сторону. Судя по времени встречи, традиционной работой Джим похвастать не мог.

Наверное, отношения Эмми с Джимом походили на ее отношения с работой: помогали скоротать время в ожидании чего-то стабильного…

Эмми, скорее всего, у Джима, решила я. И тут же подумала о Дейвисе Коббе, задержанном за нападение и подозреваемом в преследовании. Засомневалась.

Свет в гостиной среди ночи. Раздвижные стеклянные двери, сквозь которые все видно.

Память вдруг захлебнулась потоком сведений, собранных мною для одной статьи: пять типов преследователей. Отвергнутый; обиженный; ищущий близости; несостоятельный; и хищник – который просчитывает шаги. Подкарауливает жертву и нападает.

Дейвис Кобб за стеклянными дверями, которые я захлопнула у него перед носом.

* * *

Я просидела на ступенях крыльца до сумерек. Кресла-качалки мы так и не купили.

Где работала Эмми? Господи, я ведь не знала толком. Однажды я ее спросила – не в той ли гостинице, что в центре города? Там еще огромное крыльцо с террасой и белые ставни. Эмми лишь рассмеялась:

– Для меня это большая роскошь, Лия! Нет, соседний городок. Мотель для встреч в глухом углу. – Она произнесла это нараспев.

Мы жили каждая своей жизнью, по своему распорядку. Ко времени моего переезда Эмми уже обустроилась, а я не хотела навязываться. Да и времени у меня не было, по вечерам и выходным я обучалась на онлайн-курсах для учителей, зарабатывала сертификат – такое требование выдвинул округ для соискателей без педагогического образования.

И вот теперь я не знала, где ее ловить. Думала объехать близлежащие города, поискать универсал Эмми, но боялась с ней разминуться.

Я обошла весь наш маленький домик, высматривая хоть какие-нибудь подсказки. Где она? Постояла в дверях ее комнаты, заглянула внутрь. Прошлепала по голому деревянному полу, погладила сшитое вручную стеганое одеяло. Откинула его и скользнула в кровать. Если я усну в кровати Эмми, то она, когда вернется, растолкает меня и спросит, в чем дело. Нальет нам водки из холодильника, и мы смело взглянем в лицо демонам.

Я легла на живот, ощутила едва уловимый запах ее шампуня. Представила темные густые волосы до плеч, челку набок. Мысленно увидела светлые ресницы, чуть приоткрытый во сне рот.

Даже засыпая, я пыталась силой своего воображения вызвать Эмми к жизни.

Глава 6

Проснулась я резко, от телефонного звонка – в ее постели, одна. Схватила мобильный, но звонил домашний телефон, в кухне.

Я вывалилась из кровати, стукнула по выключателю в коридоре, попробовала сфокусировать взгляд на часах и сняла трубку с рычага.

– Алло? – Со сна голос прозвучал хрипло, я прокашлялась.

За окнами было темно, из стекол на меня смотрело собственное отражение.

Никто не ответил. В трубке молчали, но ее не вешали. Сперва я подумала о Дейвисе Коббе, потом вспомнила, что его арестовали. К тому же он никогда не звонил на домашний. Я что-то слышала на линии. Едва уловимое. Дуновение воздуха. Шорох волос, взмах руки. Легкое дыхание.

– Алло? – повторила я.

На другом конце по-прежнему молчали. Я вновь поймала краем глаза свое отражение в стеклянной двери. Сейчас я видна с улицы кому угодно: стою в спортивных штанах и тонкой футболке, прижимаю к уху телефон, говорю с пустотой. Волосы на затылке встали дыбом. Я выключила свет, повесила трубку и вслепую, ведя пальцами по стене, побрела назад в кровать Эмми.

Она еще может вернуться. Может.

Я закрыла глаза, вызвала в памяти картину нашей последней встречи. Было утро, Эмми сидела во дворе – сплошь голая земля, камни да сорняки. Я видела подругу со спины: ноги скрещены, плечи сгорблены, ни движения, лишь ветер играет волосами. Верхушки гор вдали золотили первые лучи света, и я не понимала – Эмми то ли недавно вернулась домой, то ли недавно проснулась.

– Доброе утро, – окликнула я, но она не пошевелилась.

Я уже достала ключи от машины. Описала дугу, чтобы Эмми заметила мое приближение.

Волосы ее спадали на лицо, я даже подумала: «Спит». Однако она встала и сделала шаг в направлении леса – вот тут я и встревожилась. Эмми была босиком. «Лунатик», – мелькнуло у меня.

– Ш-ш, – прошелестела она.

Кому? Ее рука взметнулась к шее, где всегда висела цепочка; пальцы сжали черную овальную подвеску, подвигали ее туда-сюда.

– Эм, – шепнула я.

Под кайфом. Вот черт, да она под кайфом! Мне вспомнились давние ночные бдения при тусклом свете, в клубах дыма, остекленелые глаза Эмми, ее ленивая улыбка – тогда я списывала все на наш возраст, на временные проблемы, на медленный и трудный переход во взрослую жизнь, против которой Эмми бунтовала…

Она вдруг повернулась ко мне – нормально, довольно резво, – и воспоминания как ветром сдуло.

– На работу? – спросила.

– Что ты делаешь? – Я подошла ближе.

Эмми рассмеялась, ветер швырнул волосы ей в лицо.

– Перестань, – сказала она.

– Что перестать?

– Переживать. У тебя на лице написано. Твое привычное состояние.

То же самое Эмми говорила, когда уезжала с Корпусом мира – на два года, одна, в какое-то богом забытое африканское государство, – и еще раньше, когда уходила по ночам и толком не знала, куда и зачем.

Однако не переживать я не могла. Я видела в ней завязку истории – приключения, которое может обернуться трагедией. Виной тому была спонтанность Эмми. И ее привычка замирать в полной неподвижности – ни с того ни с сего.

Я переживала еще в те времена, когда мы жили в полуподвальной квартирке, – и переживала не зря, я уверена. С Эмми что-то стряслось, как и со мной. Потому-то мы и попали сюда. Была причина. Мы ходили около этой причины кругами, порой касались ее, но никогда не заглядывали ей в лицо…

– Что ты там увидела? – спросила я.

– Сов. Целое семейство.

Я торопилась, поэтому не переспросила. А надо бы.

Я привыкла задавать Эмми один и тот же вопрос дважды – чтобы точно услышать правдивый ответ. Дважды – прежде чем поверить.

– Где ты была? – спрашивала я в то лето, когда мы жили вместе в Бостоне.

Она вваливалась домой по утрам, а я уже убегала на работу, – как сейчас.

– В парке, у пруда, мы запускали петарды и катались на лодочке в виде лебедя, зря ты не пошла.

– Эмми, – подступала я к ней, и она никла, словно я прижимала ее к стенке, загнав в угол, выбивала признание. – Где ты была?

– У Джона Хикельмана, на его поганой хате. Там зеркальные потолки. Убей меня, пока я еще пьяная. Пока не протрезвела и не вспомнила все…

Это укрепляло мою уверенность в том, что я рождена для своей работы. Я беспрепятственно проникала в мир другого человека, в его голову, для меня не существовало границ – представление о допустимом-недопустимом было размыто. Хождение по краю, которое снабжало меня историями. Оплошность, которая привела меня сюда.

Впрочем, тогда я верила: люди искренне хотят поведать мне правду; я великолепно умею производить впечатление, выбирать правильный момент и нужные слова; меня ждет грандиозный успех.

Задай вопрос дважды – и собеседник твой.

* * *

Я умела разговорить любого, если в истории фигурировали подростки, она была моей. В свои двадцать девять я выглядела на двадцать два и легко вписывалась в беседу, не вызывая косых взглядов.

В статье планировалось осветить неудовлетворительную работу службы психологической помощи в одном колледже. Поговорить о сложностях учебы и социальном давлении, о тех аспектах, к которым мы не готовим своих детей; о темных углах, куда может попасть каждый и откуда не видно выхода.

Вдобавок эта история должна была стать посвещением. Данью памяти. Рассказать о конкретных людях, воскресить их и заодно поведать о том, как система их бросила. Внушить читателю: нельзя допустить повторения подобного. Вот на что я нацеливалась.

Я раздобыла подробную информацию еще до приезда в студенческий городок: Кристи и Алиша, обе в прошлом году, за неделю до и через неделю после весенних каникул соответственно; Камилла и Бриджет, в следующем марте, переломный момент. Уже был продуман план статьи; я знала, что хотят услышать читатели, видела, как лучше все преподнести.

В разгар летней жары обычно резко возрастает число убийств. Мир изнывает, кондиционеры не справляются, мы лежим голышом в душных квартирах, суем голову в холодильник, льем холодную воду на живот, смачиваем затылок.

Что еще делать в такую погоду?

Жара провоцирует рост жестоких преступлений, а зима угнетает душу.

Безбрежная серость, которой нет конца и края, необходимость кутаться в кучу одежды – слой за слоем, как капуста, и уже непонятно, где ты сам. Чужой человек под чужой шкурой. То ли великан, то ли лилипут.

А вот сезон самоубийств – весна.

Моя теория: мир скидывает с себя зимнюю одежду, жизнь обновляется – а ты нет. Или да, но результат тебя не устраивает.

В общем, данная история, эпидемия самоубийств в колледже, душещипательная статья с кошмарным нутром – соблазн и ужас – подходила мне идеально.

Еще идеальней было то, что я сама когда-то училась в этом колледже. Знала всю его кухню, мельчайшие нюансы. Зимой мы шли на занятия в темноте, бродили по подземным коридорам, никогда не видели дневного света. Жужжание ламп и мрачноватая атмосфера создавали постоянный белый шум, наши голоса угасали, и мы все глубже погружались в себя, будто нас разделяло нечто материальное.

В первые дни я останавливала огромное число студентов – каждого, кто на меня смотрел, да и тех, кто не смотрел, тоже, – набирала материал, прежде чем подступиться к близкому окружению. Огромное число студентов соглашалось поговорить, если я не стану раскрывать их имен. Такое огромное, что иногда я уже не могла вспомнить источник того или иного высказывания.

Мы обсуждали в основном Бриджет – она умерла последней, да и знали ее лучше. Ее знакомые до сих пор не отошли от шока, они твердили «мы не знали, мы не знали» – рефрен этот не был для меня неожиданностью, но и сомнений не развеивал.

…Что я запомню: красноту, растекающуюся по горлу шефа; его хриплый шепот.

Господи, Лия, что ты натворила?

Шум в ушах, когда все рухнуло, когда меня вызвали в стерильный, пустой кабинет и шеф произнес страшные слова.

Клевета. Ответственность. Судебное дело. Арест.

Я сразу поняла, кто меня подставил. Ной. Выходит, его предостережение касалось не только моей репутации. Я мысленно видела, как он нашептывает Логану на ухо: «Она устроила охоту на этого профессора; доказательств не было, но она все равно обвиняла».

Я в этом не сомневалась. И по-прежнему не сомневаюсь.

* * *

На следующее утро я проснулась в школу по звонку будильника – одна. В небе висели темные тучи, по водосточным желобам стекали струи дождя.

Эмми не было, признаков ее ночного присутствия в доме – тоже.

Я проверила шкафчики в нашей общей ванной. Зубная щетка Эмми, аптечный дезодорант, расческа – все лежало на полочке медицинского шкафчика. Эмми не планировала исчезать надолго.

Я оставила новую записку возле гнома: «Эмми, позвони мне, как только зайдешь домой». И нацарапала свой номер – вдруг она его забыла.

* * *

Я хотела вновь проскользнуть в школу через боковые двери, чтобы избежать вопросов Митча о беседе с полицейскими, однако после вчерашнего это было бы, пожалуй, чересчур.

Из-за дождя ученики уже начали собираться в вестибюле. Обычно они ждали перед школой или на парковке, не заходили раньше первого звонка. Сегодня же толпились по углам, гул их голосов звучал даже тише обычного. Почти шепотом. И тут я увидела почему.

В стеклянной клетке-канцелярии стоял Кайл Донован, вчерашний детектив. Разговаривал с секретарем. Та кивнула в мою сторону, едва я приблизилась к окнам. Он посмотрел на меня, я притормозила. Ученики наблюдали. Я чувствовала их взгляды. Хуже того: я чувствовала, как история на глазах обретает очертания – и затягивает меня внутрь.

– Мисс Стивенс, – окликнул Донован, и я замерла. – Где мы можем побеседовать наедине?

– Мой класс подойдет? – предложила я.

Этот вариант предполагал ограничение по времени. Пятнадцать минут до первого звонка – потом ученики заполнят коридоры. Я хотела себя обезопасить.

Не представляла, что известно Доновану, что именно он выяснил. Зато представляла, как ведутся подобные расследования: как коп набирает номер «старого приятеля» из Бостона и просит пробить одно имя.

Донован махнул рукой – мол, после вас. Наши шаги отдавались в коридорах гулким эхом. Нащупывая ключ и вставляя его в замочную скважину, я старалась выглядеть спокойной.

В первое мгновение пустой класс всегда казался чужим – затхлым и холодным, – пока не вспыхивал свет и ученики не наполняли воздух ароматом цитрусового шампуня, этого подросткового одеколона. Я опустила сумку на свой стол у боковой стены и выжидательно застыла. Донован огляделся – сесть ему было некуда, только за ученическую парту. Он взгромоздился на одну из них сверху, задал неофициальный тон. Отлично. Я прислонилась к учительскому столу. Скинула туфлю, почесала лодыжку обутой ноги.

– Чем могу помочь, детектив? – небрежно спросила, а у самой сердце замерло.

– Кайл, – поправил он.

– Кайл, – повторила я.

Один, без коллег, в моем классе он воспринимался не так, как вчерашний детектив Донован. У него белел шрам на лбу, почти на линии роста волос. Темно-карие глаза. Каштановые волосы. Легкая небритость. Не ночевал дома?

– Я хотел сообщить вам лично, – начал Кайл.

Продолжать не было необходимости. Я взглянула на часы. Прошло больше суток.

– Вы не предъявили обвинения, – сказала я.

– Недостаточно улик для дальнейшего задержания. – Судя по тону, в этом считали виновной меня.

Я опустила ногу на пол.

– Женщина – Бетани – обвинила Кобба?

Кайл поморщился:

– Она молчит. Ее пока держат в коме. Наблюдают за опухолью. – Он ткнул себе в макушку.

Я вспомнила кровь в траве. Ох…

– А вы? – негромко спросила я, и Донован подался вперед. – Вы уверены, что это он?

Для задержания нужны веские причины. Эффект неожиданности срабатывает лишь раз. Теперь Дейвис Кобб насторожится. Уничтожит все следы, если они остались.

Кайл соскочил с парты, шагнул ко мне и тоже понизил голос:

– Вы знаете, где расположена прачечная Кобба?

Я покачала головой.

– Позади автозаправки на Стейт-стрит. – Видимо, детектив Донован считал, будто я знала все городские закоулки, будто названия мне о чем-то говорили.

– Простите, я тут недавно живу…

– А. Это в квартале от главной дороги, огибающей озеро. Несколько человек клянутся, что машина Кобба всю ночь простояла у прачечной. И еще есть свидетель, который слышал, как Кобб ругался с женщиной на озере.

– Свидетеля вам недостаточно? – удивилась я.

Кайл посмотрел в окно, на пейзаж, искаженный струями дождя.

– Жена Дейвиса Кобба утверждает, что они с мужем вернулись домой на ее машине и провели всю ночь вместе. Было темно, свидетель мог ошибиться. Если бы узнать, откуда Кобб вам звонил! Если бы вы прослушали его сообщение…

– Но я не прослушала.

Это все равно ничего не дало бы. Раньше, когда я еще слушала, то улавливала на заднем фоне лишь уханье совы или шум ветра. Ни звяканья стаканов, ни бормотания телевизора. Только голос в трубке, пониженный до шепота, чтобы окружающие не разобрали слов. Кобб мог быть где угодно – идти домой, стоять перед собственной дверью, где угодно.

– А распечатка его телефонных звонков? – спросила я.

Она стала бы уликой даже без моих показаний. Я бы не удивилась, если он звонил по ночам и другим женщинам. Горбатого могила исправит.

Кайл задрал голову к потолку.

– Кобб над нами посмеялся. Охотно вручил свой мобильный. Ничего компрометирующего там нет. Это неудивительно. В подобных делах почти всегда используют предоплаченный телефон. Их кругом полно, можно купить за наличные. А отследить нельзя. – Детектив помолчал. – Кобб знает, что делает.

Предупреждение, значит. Призыв к моей совести.

Кобба задержали без особых на то оснований, понадеялись на его признание или на мое сотрудничество с копами – мол, если я узнаю об аресте обидчика, то перестану его бояться и дам обличающие показания.

– Вы вынуждены отпустить Кобба и хотите пробудить во мне чувство вины? Потому и пришли?

– Я пришел потому, что мы вынуждены отпустить Кобба. Еще пришел предупредить: я отдал распоряжение, чтобы сегодня ночью патрульные машины периодически сворачивали к вашему дому. Так что, если увидите свет фар, это, скорее всего, они. Но смело звоните мне в случае чего-нибудь необычного.

– Думаете, мне стоит беспокоиться? Неужели Кобб настолько глуп?

– Судебная система нечасто имеет дело с людьми, принимающими обдуманные решения.

Прозвенел звонок на урок.

– Спасибо за предупреждение, – кивнула я.

– Можете быть со мной откровенны, мисс Стивенс.

Манеры Кайла смутно напоминали мне кого-то – или просто соответствовали некоему образу. Детектив держался и говорил спокойно, невозмутимо и уверенно, как человек, который в профессии уже не первый день, который привык к ее взлетам и падениям и научился сохранять устойчивость.

– Лия, – поправила я.

– Лия, – повторил он и козырнул мне, словно напарнице.

* * *

На уроке я то и дело проверяла телефон и прислушивалась к шепоткам. Однако сегодня ученики хранили свои тайны крепко.

Я начала писать задание на доске – пусть народ займется делом и помолчит.

– Мисс Стивенс! – прозвучало за спиной.

Я знала, кто это. Мысленно видела вскинутую руку, легкое подергивание пальцев. Иззи Марон.

– Да? – Я по-прежнему стояла лицом к доске.

– Если в школе мы не чувствуем себя в безопасности, то как же нам сосредоточиться на учебе?

– Ты права, Иззи. – Я обернулась и посмотрела на нее, вытерла руки о штаны. – Это актуально, своевременно и важно. Поэтому достань тетрадь и напиши статью на злобу дня. Выскажи свое мнение. – Я подошла к Иззи, уперлась руками в парту. – Ищи вдохновения в чувствах. Пусть они наполнят твое сочинение неподдельной искренностью.

Глаза у Иззи стали как блюдца, но сама она не шелохнулась.

– Это на оценку? – спросила.

– Это задание, – постучала я пальцем по парте. – На оценку. Приступай.

Именно так я вела себя первую неделю работы в школе, когда с катастрофической скоростью шла ко дну – только бы удержать их внимание, только бы добиться тишины. Со стыдом понимала, что вовлекаю учеников в работу лишь подкупом – обещанием дополнительных пропусков, оценок…

Однако сегодня было по-другому. Сегодня я собирала информацию.

К концу рабочего дня я так и не дождалась звонка от Эмми, зато получила семьдесят пять статей-мнений: все, по идее, про школьную безопасность, про слухи и Дейвиса Кобба. Начало положено.

Правда или просто история – неважно, с чего начинать; главное – двигаться в нужном направлении.

Если конечной целью является правда, то любые способы хороши.

Глава 7

Я влетала в повороты на большой скорости, задние покрышки едва касались дороги.

Помедленнее, Лия…

Я немного отпустила педаль газа, прислушалась к затихающему вою двигателя, понаблюдала за ползущей вниз стрелкой спидометра и напомнила себе – мое присутствие ничего не изменит. И все же я рвалась домой.

У меня вдруг возникло безотчетное ощущение, будто это не я охочусь за историей, а она охотится за мной.

Я подкатила к дому, в зеркале заднего вида взметнулась пыль, почти ощутимая на вкус. Машины Эмми по-прежнему не было. Дом, плотно окруженный деревьями, предстал в новом свете: слегка просел, очарование уступило место обветшалости.

Я вновь осмотрела комнаты – нет ли где следов Эмми. Моя одинокая записка так и грустила возле гнома. Жалкая мольба; вроде сообщения в голосовой почте, оставленного после разрыва отношений.

Эмми украшала дом: сколотая ваза на высокой тумбе, красное керамическое сердце на гвуздике над диваном, разные безделушки из стекла, пластмассы, олова, пристроенные где попало – на журнальных столиках, над холодильником, на кухонном подоконнике. Они возникали из ниоткуда, как и в прошлом, когда мы с Эмми жили вместе. Дом был ими завален, как была когда-то завалена квартира. «Безобидная привычка», – повторяла Эмми, и я редко ее укоряла. Редко называла эту «привычку» по-настоящему – воровством. Эмми же называла их сувениры. Напоминания о местах и людях. Вместо фотоальбома. Солонка из ресторана, где она ела, пепельница из квартиры какого-то случайного любовника (хотя мы обе не курили), магнит из бара, в котором Эмми работала официанткой по выходным.

Однажды она принесла наручные часы. По их увесистости, по отблескам на корпусе и множеству циферблатов было ясно – вещь стоит дороже, чем обычные трофеи Эмми. Она повесила часы над дверью в то утро, когда вернулась «с поганой хаты Джона Хикельмана».

– Сам он за них не платил, я уверена, – ответила на мои упреки. И добавила: – Да ладно тебе, у него потолки зеркальные, ужас!

С этим трудно было спорить. В общем, часы Джона Хикельмана стали нашими. Игра, в сущности: Эмми знала, что мы их оставим, хоть мне и неловко. Она водрузила добычу на кронштейн для полотенец. Я переложила в холодильник. Часы всплыли в моем ящике с носками. Это повторялось долго: я находила сюрприз каждый раз в новом месте. И хохотала от неожиданности. В конце концов я сунула часы Эмми под подушку, как зубная фея, и они пропали.

Перед отъездом в Корпус мира Эмми упаковала «сувениры» в коробку и обмотала серебристым скотчем. Попросила ее сохранить, будто лишь эта коробка и имела ценность.

Восемь лет – и ни словечка от Эмми. Мы с коробкой сменили три квартиры. Я таскала ее за собой из какого-то бессмысленного чувства долга. Или в надежде, что Эмми вернется за своими сокровищами.

* * *

Жизнь не линейна, а циклична; в это я уверовала давно.

Так устроена история – и современная, и древняя; в конце попадаешь туда, откуда начал, растерянный и задыхающийся.

Поэтому я не особенно удивилась тому, что восемь лет спустя в баре на одной из бостонских улочек вновь встретила Эмми, – встретила именно тогда, когда моя жизнь круто свернула с проторенного пути, как уже случалось однажды.

Теперь Эмми выглядела по-другому: окрашенные волосы стали темнее, тело усохло, да и плечи ссутулились – может, от ночного холода, а может, и нет. Однако ее внутренняя суть осталась прежней, она-то и манила меня, совершенно точно. Я бы объяснила это так: во-первых, я знала Эмми чуть ли не до мозга костей; во-вторых, четырехмесячные отношения способны затмить всех ухажеров и друзей, которые были позже и длились дольше; в-третьих, наша дружба родилась в тот самый миг, когда я свернула с проторенного пути и поступила неожиданно, вопреки составленным для меня жизненным планам.

Поэтому дружба эта сияла ярче, а вместе с ней сияла и Эмми…

Она налетела на меня в баре, но не обратила внимания, пошла дальше. Я окликнула: «Эмми!» – и сообразила, что не помню фамилии – да и знала ли я ее вообще?

Эмми обернулась, и в ярком свете потолочных ламп я увидела бесцветные мешки у нее под глазами. В самих же глазах застыло выражение, которое я очень хорошо знала, – жажда бегства.

– Лия? – удивленно произнесла Эмми и покосилась назад.

Я шагнула к ней, она рассмеялась. Обвила руками мою шею; я сомкнула ладони у нее за спиной и ощутила разницу между тогдашней Эмми и нынешней.

Вокруг толпились люди, она со смехом выдохнула мне в ухо:

– Боже мой, это ты!

Отстранилась, вновь глянула назад. Я спросила:

– У тебя все в порядке?

Эмми кивнула, так знакомо, так беспечно – конечно, у меня всегда все в порядке! – однако с натянутой улыбкой проговорила:

– Мне нужно идти.

Я подхватила свою сумочку:

– Куда?

– Куда угодно, лишь бы отсюда, – ответила Эмми, и было естественно привести ее в свою квартиру (на этот раз видовую, в хорошем районе), устроиться вместе на полу и выпить водки.

– Давно вернулась? – спросила я.

– Несколько лет назад. После первого срока завербовалась еще на один. Потом осела в Вашингтоне, уехала оттуда пару месяцев назад. – Эмми жевала найденный у меня хлеб, откусывая прямо от булки. – Я постоянно голодная. Но чувствую вкус всего, с чем еда соприкасалась. Каждой посудины, в которой побывал этот батон, каждой руки, которая его трогала, каждого механизма и химпродукта.

Я нахмурилась, попробовала представить, что чувствуешь в городе после долгой жизни под открытым небом, на просторе.

– Хочешь назад?

– Нет, не хочу. Я пропустила мамины похороны, и ради чего? До сих пор пытаюсь понять.

Я считала Эмми идеалисткой. Мы обе были идеалистками, каждая по-своему. Я гонялась за правдой и наивно верила, будто репортаж о ней способен что-то изменить. Идеализм Эмми лежал гораздо глубже, и это вызывало у меня уважение. Если остальные шли на практику исключительно ради хорошего резюме – Пейдж выбирала турпоходы за родительские деньги, Аарон летом строил жилье для бедных и бездомных, – то Эмми отдавалась любому занятию целиком. Всегда.

– Я только что бросила жениха… – услышала я.

Вновь увидела ее глаза. Вспомнила, как она брела сквозь толпу в баре, оглядывалась. Я подлила Эмми водки и стала слушать дальше.

– Мы переехали сюда несколько месяцев назад. Несколько месяцев на новом месте, и ты вдруг понимаешь, что ничего не выйдет. – Она чуть поморщилась. Если бы я не знала Эмми так хорошо, то ничего не заметила бы. – Два года вместе, а я только теперь поняла, какой он.

– Да? И какой же?

– Такой… который думал, что рано или поздно я стану похожа на него. Его огорчило, когда я осталась собой.

– Сильно огорчило? – К тому времени водка уже жгла мне горло, а голос звенел от чувств.

Эмми помолчала.

– Сильно. Вещи мне лучше забрать попозже, когда он будет на работе. Если он их еще не выбросил, конечно.

В расшифровке я не нуждалась. Мы всегда друг друга понимали.

– Куда ты теперь? – спросила я.

Эмми взмахнула пальцами, словно отгоняя невидимые пылинки.

– Куда-нибудь. Подальше от толпы, от шума. От таких, как мой бывший. – Осушила стакан, протянула мне: запястье тонкое-тонкое, даже вены просвечивают. – Вот ведь смешно. Люди без твердой почвы под ногами очень уважают стабильность и планирование, а люди, у которых есть надежная работа с девяти до пяти, завидуют бродягам. Наверное, наше взаимное влечение было неизбежно. Он финансист, я скачу с одной общественной работы на другую. Потом его переводят, и я переезжаю с ним – ни работы, ничего, и все меняется. Он ждал, что я остепенюсь. Найду постоянную работу. Но у меня ни образования, ни резюме… Да и характер не тот. И в женихе я, похоже, ошиблась. В общем, пора мне снова в путь.

Бутылка водки между нами оказалась пустой, и я достала из холодильника вино.

Эмми продолжала говорить, спиртное ударило ей в голову.

– Его очень удивило, что я и правда от него ушла.

Я уставилась на ее руки без единого кольца, она сжала пальцы, опустила на колени, с улыбкой посмотрела на меня.

– Прости. Мы не виделись восемь лет, а я сразу начала рыдать тебе в жилетку. Я в порядке. Все хорошо. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Однако я не хотела о другом. Я была основательно пьяна и без ума от сидящей передо мной девушки – ни капли не похожей на меня и все же такой родной…

– Эмми, как твоя фамилия?

Подруга расхохоталась.

– Ты правда не знаешь?

– Правда, – кивнула я.

– Грей, – с улыбкой сообщила она, глаза весело блеснули.

– Эмми Грей. – Я покатала имя на языке. Да, оно ей идет. – Эмми Грей, мне необходимо уехать из города, – торжественно объявила я.

Оригиналка Эмми решила – я имею в виду духовный аспект. Мол, хочу найти новое место для личностного роста. Она не поняла, что мне в буквальном смысле нужно покинуть город, пока не заварилась пресловутая каша.

– Пора мне отсюда сматываться, – уже серьезней сказала я.

Речь шла не о «дикой тяге тридцатилеток к природе», как называли этот феномен мои друзья, – не о массовом исходе людей за тридцать, которые женились, приобретали дома и ездили на работу из пригорода. Речь шла о вынужденном бегстве. У прежней Лии Стивенс здесь не осталось ничего. Куда ни шагни – обрыв.

Глаза Эмми над стаканом встретились с моими, она тоже видела меня насквозь.

– Тогда поехали.

Я знала, что Эмми так скажет.

Она оглянулась, окинула взглядом часы, наши сумочки на кухонном рабочем столе, двери. Я вновь увидела ее глаза. Ей не стоило возвращаться домой, пока жених не ушел.

– Ночуй у меня, – предложила я.

От дальнейшей ночи в памяти остались смех Эмми да ощущение колдовских чар, тумана в голове и призрачности. «Я метнула дротик в карту, – говорит Эмми, и нам вновь по двадцать два, мы в баре, стоим в очереди с дротиками в руках. – Как тебе Западная Пенсильвания?»

Интересно, способен ли кто-то из моих друзей поступить так же, подумала я. Мне стало смешно. Конечно, не способен. Только Эмми – необузданная, свободная. Ее сбивают с ног, но она встает. Кидает дротик в карту и думает: «Вот, там я попробую начать все сначала».

Как мне Западная Пенсильвания? Тогда, под музыку слов, слетавших с языка Эмми, – хорошо. Знакомо и одновременно ново. Не слишком далеко, чтобы вернуться; достаточно далеко, чтобы начать новую жизнь. Я шептала название, пробовала на вкус. В буквах и слогах – то протяжных, то слитных – звучала диковинная красота. Я видела себя на белом крыльце. Волосы распущены, в руках чашка кофе. Мой смех разносится по округе под открытым небом.

– Да, – сказала я.

Это ведь шутка. Утром я проснусь, трезвая и с головной болью, и заживу реальной жизнью.

Однако утром я открыла глаза и обнаружила у себя в кровати Эмми – как она сюда попала? Подробности терялись в тумане. Эмми села, протерла глаза и спросила:

– Когда поедем?

Мы спьяну строили какие-то гипотетические планы, но вот же она, Эмми, и я уставилась на нее как на свое отражение. Разве я способна радикально изменить жизнь, сорваться с насиженного места и укорениться в другом? Разве

такое и правда возможно?

Я одернула себя, села за компьютер и объявила:

– Ладно, давай попробуем.

Ведь хваленая рассудительность, к которой я старательно прибегала всю жизнь, привела меня лишь туда, откуда я начинала. Один-единственный промах в статье, обдуманный риск – и все, чего я достигла, кем стала, вмиг исчезло. Второго дубля не будет. Возврат к прежнему невозможен. При слове «Поехали!» душа у меня зазвенела.

* * *

Теперь я стояла над раковиной в ванной и вглядывалась в свое отражение. Вот бы моргнуть – и увидеть в зеркале не себя, а Эмми.

Я в очередной раз открыла зеркальную дверцу медицинского шкафчика. Зубная щетка Эмми лежала под прежним углом, щетинки были твердыми и сухими. Если бы она решила остаться у своего парня, то взяла бы щетку? Вернулась бы за ней?

Может, Джим купил Эмми новую щетку. Или у них одна на двоих. Очевидно – теперь, когда я занялась поисками, – что домой Эмми не приезжала. Я не видела ее пять дней.

Меня волновали пустая кровать, пустой дом и две противоречивые мысли. Не давай показаний. Но ведь Эмми… Не ввязывайся. Но ведь Эмми!

Я посмотрела на часы и выглянула в окно в третий раз за три минуты – в отчаянной надежде, что сейчас машина Эмми вынырнет из-за поворота, сейчас… Вновь напомнила себе, что волноваться не стоит. Она взрослая и, наверное, ночует у своего парня. Честно говоря, это характерно для Эмми. Лететь, куда несет ветер, но в конце концов приземляться тут.

Я заглянула в каждый угол – вдруг пропустила записку или не заметила следов взлома. Следов борьбы и крови.

Воздух, мне нужен воздух. Проветрить голову.

Я открыла вторую дверь в конце коридора, за нашими спальнями, ту, что выходила на лесистый участок. Шаг с крыльца – и ты среди деревьев.

Послеполуденный свет заиграл на каком-то предмете, застрявшем между досок. Я подцепила его ногтем, и на солнце сверкнула тонкая серебряная цепочка. При виде подвески – черный овал, бесформенные края – остатки моего рассудительного спокойствия рухнули. Цепочка повисла на ладони, кулон скользнул вниз: в одном месте цепочка была порвана.

Она легла в изгиб моей ладони, а меня затрясло – как тогда, когда я впервые попала на место преступления.

Послышался шум автомобиля, однако у меня даже мысли не мелькнуло, что это, возможно, Эмми.

Я оббежала дом и увидела патрульную машину. Она медленно прокатила еще немного и остановилась на подъездной дорожке. Он открыл двери, нахмурил брови – мальчишка, не старше нас с Эмми в день знакомства.

– Все в порядке? – спросил, опустив одну ногу на землю и не заглушив двигатель.

– Мне нужен детектив Донован, – задыхаясь, выпалила я.

Прижала ладонь к горлу. Пульс взбунтовался.

Мальчишка глянул за меня, на дом, словно оттуда сейчас что-то выскочит. Положил руку на кобуру.

Как будто эту опасность можно было увидеть или отразить.

Глава 8

К тому времени, как Кайл Донован возник в раздвижных стеклянных дверях, юный патрульный Кельвин Додж (он представился, когда понял, что непосредственной опасности нет) уже вошел в курс дела. Патрульный Додж сидел напротив меня за кухонным столом, между нами торчал гном, а я по-прежнему сжимала в кулаке цепочку Эмми.

Когда я показала находку патрульному, он задал стандартные вопросы: были ли следы взлома, что-нибудь необычное?

Отвечая на эти ненужные вопросы – нет, нет, – я лишь крепче сжимала кулак. Юный Кельвин Додж не понимал. Я думала об опасностях, скрытых в арендованных домах. О людях, имеющих возможность приходить и уходить незаметно. Бродить по дому невидимкой. Об угрозе, о которой даже не подозреваешь.

Я сказала:

– Три ночи назад в гостиной включался свет.

Сказала:

– Кто-то позвонил на домашний и повесил трубку.

Сказала:

– С моей подругой что-то произошло.

При появлении Кайла патрульный Додж встал, надел шляпу и пошел к выходу. В дверях задержался, доложил информацию.

– Она переживает за Эмми Грей, с которой вместе живет, – сообщил в конце донесения, и Кайл кивнул.

Кайл Донован вновь выглядел как коп. Похоже, он умел по желанию включать-выключать нужный облик. В школьной канцелярии излучал уверенную властность, в моем классе держался расслабленно. Сегодня властность

вернулась. Интересно, он осознанно дергал за какой-нибудь переключатель, или на Кайла находило само, как находило на меня, когда я приближалась к месту происшествия?

– Приветствую. – Он сел на освободившийся стул.

– Спасибо, что приехали.

Кайл склонил голову набок.

– Я ведь обещал. Рад, что вы позвонили. Я и не знал, что у вас есть соседка.

– Эмми Грей. Мы вместе вселились сюда летом.

– Хотите подать заявление о ее исчезновении?

– Нет, не совсем. Она не просто исчезла. С ней что-то произошло. – Я разжала кулак, показала цепочку. – Я нашла это на заднем крыльце. Эмми никогда ее не снимает.

Кайл прищурился:

– Похоже, цепочка порвалась и упала. Ваша подруга могла даже не заметить. – Он откинулся на стуле, вздохнул: – Послушайте, мы не спускаем глаз с дома Кобба. Он сегодня не выходил. Боюсь, это я виноват – перепугал вас на ровном месте.

Я помотала головой.

– Нет-нет, не сегодня. Раньше.

Кайл нахмурился, потолочная лампа высветила шрам на лбу.

– Когда вы видели подругу последний раз?

– Пять дней назад.

Целых пять дней я жила своей жизнью и почти не вспоминала об Эмми.

Кайл попытался скрыть удивление.

– Но вы не волновались поначалу?

– Нет, она взрослая. Рабочее расписание у нас не совпадает. Однако Эмми не внесла арендную плату, а тут еще звонки, ваши расспросы, женщина на озере… Вот я и начала волноваться.

Он кивнул:

– На работе у подруги спрашивали?

Я смущенно помолчала. Промашка; белые пятна в наших отношениях.

– Я точно не знаю, где она работает. Вестибюль мотеля, ночные смены.

Я подозревала, что Эмми убирала в домах нелегально. Может, она и в мотеле работала незаконно? Временное решение финансовых проблем, пока не найдется что-нибудь постоянное и подходящее.

– Ну хорошо, давайте тогда начнем с азов. – Кайл достал бумагу и карандаш, написал вверху имя Эмми. – Г-р-е-й, через е или э? – уточнил.

– Г-р-е-й, – ответила я. – Кажется.

Я ведь знаю? Я видела где-то, как пишется ее фамилия? Вроде бы так. Я попыталась говорить убедительно:

– Да, точно.

Грифель громко царапал бумагу.

– Дата рождения? Откуда родом?

Как объяснить, что мне это не известно? Я едва не заявила: «День рождения Эмми не с июня по октябрь», ведь иначе она бы мне сказала. Но потом я подумала – может, и не сказала бы. Может, Эмми считала дни рождения банальной бессмыслицей. Может, она отмахнулась от них, как отмахнулась от всего остального, улетев в Африку с пустыми руками.

Детективу Доновану нужны были факты – наподобие тех, которые мы освещаем в газете. Однако нам с Эмми такие вопросы не подходили. Я не знала, откуда она родом, как зовут ее родителей, какая у нее группа крови, где Эмми жила до приезда сюда.

Зато знала: как она звучит, как лжет мужчинам в постели, как спит и бодрствует. Кошмары по ночам, шаги в коридоре, за ними – стук в мою дверь; слова, которые произносит Эмми, когда, по ее мнению, никто не слышит. Я знала, как скрипит ее матрас – беспокойно или наоборот. Знала изгиб ее спины и впадину на животе – там, где раньше была соблазнительная округлость.

Знала, что мать Эмми умерла. И что ей, как и мне, нельзя назад.

– Номер телефона? Мобильный? – Кайл буравил меня взглядом.

– Свой последний телефон она оставила в Бостоне, когда порвала с женихом. Я не знаю.

– Ладно, тогда электронный адрес, странички в социальных сетях?

Я помотала головой.

– Мне ни о чем таком не известно. Компьютера у нее нет. И мобильного, как вы поняли, тоже. Думаю, она не хотела, чтобы ее отыскал бывший.

К тому же Эмми четыре года прожила за океаном, без всяких удобств. Привыкла, наверное, и вовсе не горела желанием документировать в интернете каждое мгновение своей жизни.

Кайл недоверчиво поднял брови.

– Я вот не зарегистрирована в соцсетях, – сообщила я, скрестив руки. – И вы, уверена, тоже.

Для таких, как он, – и как я, – слишком опасно заводить онлайн-страничку. Рискованно выставлять себя на всеобщее обозрение.

– Потому что вы учительница?

– Да. – Самый простой ответ.

– Ладно, а фотографии подруги у вас есть?

Нет. Восемь лет назад, когда мы с Эмми познакомились, мобильные телефоны только завоевывали популярность. Мы тогда снимали одноразовым или пленочным фотоаппаратом – по какому-нибудь важному случаю, – печатали фотографии в специальных магазинчиках, складывали в коробки и теряли при переездах.

Немногочисленные снимки, сделанные уже сейчас, я отправила маме и сестре – словно в свое оправдание. Жалкий способ убедить нас всех: «Видите, как красиво светит луна сквозь ветви деревьев у меня во дворе? Я здесь счастлива». Ничего по-настоящему важного я не посылала.

– Вы давно знакомы?

На этот вопрос можно было ответить либо «восемь лет», либо – если подсчитать все время, которое мы провели вместе – «девять месяцев».

– Мы вместе снимали квартиру после колледжа. Вновь встретились этим летом.

– Подруга взяла с собой кошелек? Машину?

– Эмми водит коричневый универсал, но я не знаю, она ли владелец.

Я знала, что не она. У меня тоже не было транспорта, когда я сюда переехала. Из аэропорта меня забрала Эмми. Первую машину я купила через несколько дней: выбрала базовую комплектацию, без изысков, и все равно пришлось

ждать.

Пока шло оформление бумаг, Эмми разрешала мне пользоваться универсалом. В нем стоял легкий запах сигарет, хотя она не курила. Матерчатые сиденья вибрировали от чиханий двигателя. Пластмассовая оплетка руля истерлась. Однако что толку от этих подробностей?

– Номерной знак универсала?

– Не помню.

– Может, у вас где-нибудь хранится регистрационное свидетельство, или страховка, или еще что? В папке.

Я рассмеялась. Чтобы Эмми хранила документы и папки? Чтобы Эмми действовала согласно долгосрочному плану?

– Она такого не признавала.

– Не признавала?

Я осеклась. Не этого ли я боюсь на самом деле? Не потому ли позвонила Кайлу? Эмми больше нет?

– Да.

– Где ее кошелек?

– Не знаю.

– Что она делала, когда вы видели ее последний раз?

Я чуть не рассказала про сов, однако вовремя одумалась.

– Был понедельник, я спешила на работу. Эмми пришла, я ушла.

– Предыдущее место жительства?

– Не знаю. Она жила с женихом в Бостоне.

– Имя жениха?

Я помотала головой. Опасный псих, от которого она сбежала.

– Он работал в финансовой сфере, – сообщила я.

Немного же Эмми мне рассказывала; да я и сама почти не спрашивала.

Кайл постучал карандашным ластиком по столу, обвел взглядом кухню. Те крохи информации, которые я ему предлагала, нужно было еще тщательно проверить. Я понимала, о чем он думает. Зацепиться не за что.

– Сообщите хоть что-то конкретное, Лия, с чего можно начать.

Чем же я могла его порадовать?

– Эмми дважды ездила волонтером от Корпуса мира. В Ботсвану, кажется. После возвращения осела в Вашингтоне, округ Колумбия, – произнесла я. Вот. Вот где жила Эмми; вот где Кайл отыщет ее документальные следы, изучит ее биографию вдоль и поперек. – Эмми работала в неприбыльных общественных организациях, потом они с женихом переехали в Бостон. – Я попыталась вспомнить, что именно она рассказывала в ночь нашей неожиданной встречи в баре; воспоминания терялись в алкогольном тумане. – Отношения у Эмми с женихом разладились, вот тогда-то мы и возобновили общение.

Я не стала упоминать про круги у нее под глазами, про заметные лишь мне недомолвки, про отчаянную жажду бегства.

– Хорошо, – ответил Кайл. – Я позвоню в Вашингтон, попробую раздобыть фотографию. Оттуда и начнем.

– У Эмми сейчас есть парень, – добавила я. – Живет неподалеку. Некий Джим. Светлые волосы, вот такой длины. – Я показала. – Ноги колесом. Узкое лицо.

Ездит на бежевом хетчбэке с прогоревшим глушителем.

Полная противоположность мужчине, которого она только что бросила.

Кайл посмотрел мне в глаза, усмехнулся про себя.

– Вы очень хороший свидетель, Лия Стивенс.

Я ответила улыбкой, однако тревога не прошла. Эмми пропала, а Джим – единственный, кто с ней связан.

– Он ей иногда звонит. Может, вы сумеете отследить его через телефон?

Взгляд Кайла переместился к настенному телефону.

– Тогда дайте нам разрешение, и мы получим расшифровку ваших разговоров.

– Считайте, оно у вас есть.

Телефонная линия предназначалась, в общем-то, для Эмми. Я пользовалась мобильным – и для работы, и для всего остального. Стационарный телефон я установила лишь ради Эмми.

Кайл сказал:

– Честно говоря, вам проще раздобыть нужную бумагу. Позвоните в телефонную компанию, попросите прислать последний счет с расшифровкой. По крайней мере, мы сможем проверить общедоступные номера. Для частных нужен судебный запрос.

– Если я добуду счет, вы в него хотя бы глянете?

Кайл пригладил короткие волосы.

– Конечно. Гляну.

– Хорошо, – медленно выдохнула я. – Спасибо.

Он откинулся на стуле, положил руки на стол.

– Вы не хотите рассказать еще что-нибудь о Дейвисе Коббе?

Ты – мне, я – тебе, в моей бывшей профессии тоже так принято. Нельзя получить, не дав ничего взамен.

Я забрала у Кайла карандаш, придвинула к себе бумагу. Быстро написала электронный адрес, начинающийся на TeacherLeahStevens.

– Иногда Кобб шлет мне письма с этого адреса. В школе. Я их удаляю. – Я пожала плечами. – Если честно, они не такие уж страшные.

Выражение лица у Кайла осталось непроницаемым. Он с минуту помолчал, обдумывая информацию.

– Спасибо. Мы проверим. Вы могли бы не удалять следующее письмо?

Я кивнула.

Кайл еще раз посмотрел на бумагу, спрятал ее в папку, вновь положил руки на стол.

– Кобб назвал почтовый ящик вашим именем, Лия. Сделал вас своей мишенью. Вы кому-нибудь об этом сообщали? Или о самих письмах?

– Нет. Они были безобидными, честно.

Впрочем, не совсем так. Они просто были не хуже всего остального. Первая начальница однажды дала мне совет – не прикрепляй к статьям свое фото. Я тогда обиделась. Решила – по ее мнению, читатели не воспримут меня всерьез. Мол, столь юная и счастливая девица не способна написать что-нибудь стоящее.

Однако я каждый день вспоминала тот совет с благодарностью. Он уберег меня от мира, прячущегося за экраном компьютера. Для читателей я оставалась лишь именем – без лица. Несогласные анонимы могли кричать что угодно и делать какие угодно намеки – слова эти падали в пустоту. Не имели отношения ко мне. А со временем и вовсе уходили в фон.

Электронные письма, которые я получала здесь, были ничем не хуже, ей-богу.

Нет, одернула я себя. Проблема во мне. Я перестала воспринимать слова как опасность.

Глава 9

Если бы я писала статью о пропавшей женщине и брала интервью у ее соседки, я бы попросила: «Поведайте историю. Историю, которая познакомит читателей с вашей подругой».

Поэтому, когда Кайл уже почти дошел до машины, а потом вдруг вернулся и попросил меня рассказать об Эмми – какой она была, – я задумалась. Не выдала первое же, что пришло в голову.

Я хотела рассказать про случай с ножом – через две недели после того, как мы поселились вместе с Эмми в Бостоне; когда позвонила Пейдж и сообщила, что они с Аароном в нашем районе – и можно ли посмотреть мою новую квартиру?

Я тогда застыла посреди гостиной, уронив телефон, в голове поплыло, а мир куда-то отодвинулся. Эмми спросила очень спокойно:

– Кто звонил?

Я хотела рассказать Кайлу, как Эмми резала яблоко, пока я представляла ей гостей, как она резко обернулась и едва не воткнула нож Аарону в руку, как вспыхнуло у него лицо от удивления и гнева. Как Эмми сделала вид, будто это нечаянно, а сама красноречиво поджала губы. Как пристально глянула на Аарона, бросила: «Ой, я тебя не заметила» – и вернулась к яблоку. Как не издала

ни звука, когда Пейдж взвизгнула и посмотрела на меня – мол, ты видела?! И как я притворилась, будто не видела. Как Эмми даже не поднимала глаз, пока Аарон твердил – ничего страшного, ничего, – словно она извинилась, хотя никаких извинений не было. Как Эмми сидела спиной ко всем, пока Пейдж не увела Аарона. Как я любила Эмми в тот миг. И как мы больше никогда об этом не вспоминали.

Я хотела рассказать Кайлу: «Мужчин, подобных тебе, она ест на завтрак». Хотела, чтобы он понял – Эмми сильная, она бы никому не позволила вытирать о себя ноги. И обязательно распознала бы надвигающуюся опасность.

Только это не годилось. Цель истории – уж я-то понимала! – пробудить в людях сострадание, привлечь их в союзники; они должны увидеть в пропавшей девушке образ своих родных и любимых.

Кайл не отводил взгляд, точно видел все истории, которые я перебирала в голове, – про меня, про Эмми.

Я представила, будто он журналист и говорит – ну же, Лия, покажи мне ее.

И я остановилась на нашей первой встрече…

– Эмми пустила меня к себе, – начала я. – У меня не хватало денег на жилье, идти было некуда, и она пустила меня к себе.

Все произошло в понедельник утром. Мне вдруг оказалось негде жить – по необъяснимым причинам. Это случилось после того, как я не получила обещанной работы и согласилась на неоплачиваемую стажировку. После того, как месяц прожила на диване у Пейдж и Аарона. После того.

Я направилась в наш старый университетский городок – в вестибюль-атриум, к доске объявлений, мимо которой проходила сотни раз. Пропавшие животные, вакансии, поиск соседей по комнате. Я срывала телефонные номера наобум, запихивала в карман, подробности объявлений путались, цены зашкаливали, меня мутило.

Сначала я даже не услышала.

– Жилье ищешь, спрашиваю?

Ко мне обращалась девушка, которая сидела на каменном парапете у крыльца и жевала бублик. Она смахнула длинную каштановую прядь, прилипшую к губам, заправила ее за ухо и соскочила с парапета.

– Привет. Я Эмми. – Девушка протянула мне руку. – Просто вон то мое… – И ткнула бубликом в правый верхний угол.

Краткосрочная аренда. 500 дол./мес. Полуподвал, отдельный вход. Только жен. пол.

– Лия, – ответила я рукопожатием.

Девушка походила на студентку. Джинсы с заниженной талией, укороченная футболка, подведенные темным глаза и бордовая помада.

– С оговоркой насчет женского пола я, похоже, оплошала, – сообщила новая знакомая. – Потому что в девяносто девяти случаях из ста звонят придурки. – Она скорчила смешливую рожицу, словно уже назначила меня в сообщницы. – Дай, думаю, схожу сама и устрою просмотр. – Прищурилась, внимательно меня оглядела. – Ты на придурка не похожа.

Я шла на стажировку, притворялась, будто ничего не произошло. День как день. Штаны цвета хаки, обувь на плоской подошве, безрукавка, волосы собраны в простой пучок. Однако тело меня наверняка выдавало – я стояла пришибленная, одеревенелая. Сама не своя. В голове пульсировало. В ушах звенело. Вид бублика вызывал тошноту.

Я перевела взгляд на доску объявлений.

– Мне не по карману.

Эмми вздернула бровь, еще раз окинула меня оценивающим взглядом.

– Тогда тебе не в этот район. Ну что ты найдешь дешевле пятисот?

Я не знала. Я вообще впервые попала в такое положение. Раньше я получала стипендию за усердную учебу и временами подрабатывала на территории университета, лишние деньги держала в банке и тратила их на одежду и развлечения. На квартиру и стол всегда хватало. Я не сомневалась, что получу желаемую работу: я была редактором университетской газеты, приложение к диплому свидетельствовало о моей блестящей успеваемости, и собеседование прошло прекрасно. К работе прилагались подъемные, и я ждала лишь письменного подтверждения, прежде чем внести залог за милую квартирку-студию.

Однако меня не взяли. Я оказалась не готова к потрясению – неудачи были мне неведомы. Единственная работа, на которую я еще проходила собеседование, начиналась с неоплачиваемой стажировки.

Когда я обо всем узнала, Пейдж изрекла:

– Ну так соглашайся. – Она сидела на кровати, скрестив ноги.

Пейдж не понимала. Она бы согласилась на бесплатную стажировку без раздумий – семья всегда поддержала бы Пейдж материально. А я даже рассказать маме не могла. Она была бы страшно разочарована; я поняла бы это по молчанию в трубке.

– Не могу, – дрогнувшим голосом призналась я. – Жить не на что.

– Живи пока с нами, – предложила Пейдж.

Сразу после выпуска она получила шикарную работу, к тому же родители поселили дочь в симпатичной квартирке с одной спальней – пока дитя не встанет на ноги, – и Пейдж горела желанием поделиться своим счастьем.

– Нужно, наверное, спросить Аарона?

Она отмахнулась – мол, ты же знаешь. Я действительно знала. Четыре года совместной учебы в колледже способны сплотить кого угодно. С первого курса мы были соседками по комнате, хотя весь последний год Пейдж в основном пропадала в общежитии у Аарона. Естественно, он поселился в ее квартире

после выпуска. Естественно, меня тоже приютили бы здесь с радостью. Мы ведь, считай, вместе выросли.

– Всего на пару месяцев, – кивнула я.

И переехала. Я хранила свою одежду в комоде под их телевизором; раскладывала диван ночью, когда они закрывали дверь в спальню; складывала его утром, когда по таймеру включалась кофеварка. Мой шампунь в углу их душевой кабины, моя бритва рядом с бритвами Пейдж и Аарона; тонкая стена между моей головой и их кроватью; звуки, которые не давали уснуть или будили.

Теперь же я столкнулась с действительностью, холодной и неумолимой: больше там оставаться нельзя. Какого черта я дала согласие на бесплатную стажировку? Почему решила, будто мир подставит мне плечо, возьмет под свою опеку? Кто я после этого? Наивная оптимистка! Я упала плашмя, лицом в грязь, и незнакомая девушка Эмми стала свидетельницей моего краха.

Она придержала меня за локоть:

– Сколько ты можешь платить?

Я прикинула, какая сумма лежит в банке. Вычла еду и проездной, разделила остаток на три месяца. Содрогнулась. Пожалела о прошлогоднем путешествии во время весенних каникул и об одежде, купленной в кредит ради этой работы.

– Триста пятьдесят, наверное, – сказала шепотом.

Эмми наморщила нос.

– За триста пятьдесят ничего путного не найдешь. Слушай, мне звонят одни чокнутые, а я жду появления нормальной соседки и терплю убытки. Мне тоже не по карману платить за квартиру самой. Немножко – лучше, чем ничего. Давай ты на нее глянешь – нравится, не нравится. Может, мы что-нибудь придумаем.

– Сейчас не могу. Мне на работу надо.

Эмми склонила голову набок.

– Работа неоплачиваемая, – добавила я.

– Зачем тогда она нужна? Не понимаю.

– Чтобы получить оплачиваемую работу. Такая вот ирония.

Эмми дала мне адрес, и я согласилась заглянуть к ней вечерком, по дороге домой. Однако, придя на работу, изменила решение. Взяла отгул на вторую половину дня, позвонила Эмми в обед, сразу же сказала ей «да», упаковала свои вещи и перетащила их в полуподвальную квартиру с двумя спальнями еще до возвращения Пейдж и Аарона. Написала Пейдж сообщение – чтобы не объясняться лицом к лицу: «Отличные новости! Нашла жилье в Олстоне. Через знакомых. Квартира снова целиком ваша».

Квартирка Эмми располагалась в подвале, самом что ни есть настоящем. Сквозь длинные горизонтальные окна под потолком виднелись ноги прохожих. Шлакоблочные стены покрывал ровный слой краски. Телевизор отсутствовал. Мы жили рядом с магазином спиртных напитков, который работал допоздна. Иногда по ночам слышали шум драки. Хотя, скажу честно, я никогда не чувствовала себя в большей безопасности, чем в те месяцы с Эмми.

Жилье оказалось почти пустым, с имуществом у меня тоже было негусто.

– Я скоро уезжаю, – пояснила Эмми. – С Корпусом мира, на два года. Начала избавляться от вещей. С собой их брать нельзя, понимаешь? А девочка, которая жила тут раньше, получила в мае диплом и укатила назад в Калифорнию вместе со своим скарбом.

…Теперь я гадала – может, Эмми видела во мне очередную бездомную кошку? Может, тогда я понравилась Эмми так же, как сейчас ей нравятся бездомные коты?

Кайл опирался на кухонную тумбу, но ничего не записывал – просто слушал, давал выговориться. Спасибо ему за это.

– С тех пор много воды утекло, – продолжала я. – Однако Эмми всегда была великодушной. Помогала мне, потом другим нуждающимся, в рамках Корпуса мира. Бессребреница. У нее слова никогда не расходились с делом, понимаете?

Она уехала в свою Африку в конце сентября. Я наконец закончила стажировку и получила нормальное место, отложила денег с первых двух зарплат и внесла залог за квартиру-студию в районе похуже. Перестала отвечать на звонки Пейдж. Удивительно, как легко разрушить крепкую четырехлетнюю дружбу простым ничегонеделанием. Я слышала, через три года Пейдж с Аароном поженились.

– Ах да! – Я вдруг поняла, что могу сообщить Кайлу еще кое-какую информацию, оторвала с нашей «доски объявлений» клейкий листок и записала адрес. – Здесь мы жили. Летом, восемь лет назад.

Кайл забрал бумажку, сжал мое плечо и вышел. Поехал искать Эмми? Я услышала, как заурчала его машина, и вдруг сообразила, что он ничего не взял из дома. Ни зубной щетки Эмми, ни ее вещей. Не осмотрел комнату.

Комнату девушки, которая в дни моего бесприютного одиночества пустила меня к себе; продемонстрировала великодушие незнакомцев. Девушки, которая в ночи пила со мной водку, сидя на полу. Девушки, у которой хватало смелости взмахнуть ножом и самообладания – этот нож отдернуть.

Я подождала, пока огни фар на машине Кайла исчезнут вдалеке.

Затем составила план.

* * *

Я выписала названия мотелей, гостиниц и мини-отелей в нашем городке и в округе. Эмми всегда уходила именно в такое время. Сумерки. Начиналась ее смена. Кто-нибудь должен заметить отсутствие сотрудницы. Кто-нибудь должен выйти вместо нее на работу.

Никто не переживает за человека сильнее, чем его близкие. Это я знала еще с тех времен, когда сама задавала вопросы, а не отвечала на них. Никого ближе

меня у Эмми здесь не было.

Начав с гостиниц по соседству, я постепенно удалялась от дома. Везде одно и то же – пустышка. Никто не слышал об Эмми Грей. Никто не узнавал ее по описанию. Волосы – вот такой длины, худая, моего роста. После множества остановок я встретила в мотеле «Брейк-Маунтин» мужчину, который заступил на смену впервые. Он совершенно ничего не знал, и я решила вернуться сюда в другой раз. Обнадеживающая находка: вдруг новенького взяли вместо пропавшей сотрудницы? Я сфотографировала контактную информацию гостиницы.

Когда вышла из «Брейк-Маунтин», небо потемнело. Я до сих пор не привыкла к здешней темноте. В городе она означала не столько реальное явление, сколько время суток. Тут же была неприкрытой и всепоглощающей.

Последнее заведение в моем списке стояло в стороне от дороги. Я въехала на вырубленную посреди леса парковку и подумала – может, ну его? Зацепка у меня уже есть, а это место не внушает доверия. Да и огни не горят: ни на вывеске, ни на стоянке. Однако я тут же вспомнила, как Эмми приютила меня восемь лет назад и как она назвала свое нынешнее место работы «мотелем для встреч в глухом углу». Обстановка здесь подходящая. Я нащупала в бардачке огромный фонарь, который держала там на крайний случай.

Что-что звякнуло, упало. Я посветила на пол под пассажирским сиденьем, на миг зажмурилась от яркой вспышки – луч отразился от металла. Подняв вещицу, я ощутила холодные звенья, знакомую застежку. И невольно улыбнулась, хотя мне было совсем не до смеха.

Я держала в руках часы Джона Хикельмана, восставшие из мертвых. Перебирала звенья браслета дрожащими пальцами. Стрелки застыли в неподвижности. Серебряное покрытие истерлось на углах, под ним проступила неопрятная чернота. Сколько часы пролежали в бардачке? Что это – возрожденная игра или нечто большее?

Я сидела в машине, одна-одинешенька, сжимала фонарь – и чувствовала, как волосы на затылке буквально встают дыбом. Всему виной темнота, смыкавшаяся вокруг плотным кольцом, и часы, ожидавшие, пока я их обнаружу.

…Полиция у меня дома и на работе; найденная на озере женщина с моим лицом; слова, на которые я не обращала внимания – думала, что я в безопасности, по другую сторону раздвижной стеклянной двери и горного хребта.

Я чувствовала приближение чего-то – и оно, похоже, уже пришло.

Глава 10

В последнем мотеле тоже не оказалось никаких сведений об Эмми Грей. Да я и не хотела бы отыскать ее в подобном месте. Отсутствие огней снаружи, приторный навязчивый запах внутри, дребезжащая вентиляция в потолке. Я крепко стискивала часы, словно мне полагалось предоставить их мужчине за стойкой в качестве оправдательной улики.

У него было бледное осунувшееся лицо человека, непривычного к солнцу.

Я описала Эмми и спросила, не работала ли она здесь.

– Никаких девушек, у нас – никаких, – ответил он.

Затем расплылся в заговорщической ухмылке.

Я торопливо шагала к машине по гравийной дорожке и чувствовала себя ужасно уязвимой, перебирала ногами быстро-быстро, мне казалось, за мной наблюдают. Эмми не стала бы работать в такой забегаловке. Эмми не дурочка.

Дома я сразу кинулась к ее вещам. Я искала, не оставила ли она мне чего-нибудь еще. И постоянно задавалась вопросом – зачем?! Возобновленная игра? Или попытка сказать мне о чем-то?

Я думала, часы пропали еще до отъезда Эмми в Африку. Гадала, не лежат ли они в коробке, обмотанной скотчем, не ждут ли тихонько в углу моей квартиры, не путешествуют ли спокойно у меня под мышкой во время очередного переезда. Подозревала, что это тоже своего рода игра, проверка: вскрою я коробку или нет.

Я сидела среди вороха чужих вещей, меня потряхивало. У Эмми их было совсем мало, как и восемь лет назад. Никаких фирменных нарядов, многие этикетки обрезаны или стерты от времени. Наверное, вещи с барахолки. Я пробовала сообразить, не пропало ли что-нибудь. Вспоминала Эмми в одежде, обуви, украшениях, искала их. Но Эмми блекла. Стоило мне представить ее четкий образ, как она ускользала в прошлое – и превращалась в двадцатилетнюю девушку. Я видела укороченные футболки с треугольным вырезом и обшитые черным кружевом рукава. Низкие темные джинсы и черный шипованный ремень, который она носила постоянно. Жесткие браслеты и облупившийся лак на ногтях. Видела, как мы идем гулять, как Эмми проталкивается к барной стойке, картинно опирается на нее, привлекая внимание.

С тех пор Эмми обновила гардероб. В ее комоде поселились удобные рубашки, туники, лосины. Толстые носки и трикотажные майки. Видимо, нынешняя Эмми превыше всего ценила практичность.

Исчезли туфли, которые прочно с ней ассоциировались – высокий устойчивый каблук, шнуровка вокруг лодыжки. Раньше Эмми носила их и со штанами, и с юбками, снимала лишь для того, чтобы одолжить мне. Теперь в углу шкафа стояла лишь пара старых кед с грязными шнурками. Наверное, была еще какая-то обувь, в чем-то же Эмми ушла из дому.

Я перебрала металлические вешалки с одеждой покрасивей. Платье без рукавов, слишком легкое для нынешней погоды; кардиган, его Эмми накидывала на плечи, когда мерзла вечерами. А это? Я с удивлением узнала собственную черную рубашку. Эмми никогда не заимствовала мои наряды, хотя я с удовольствием дала бы их поносить. Я отбросила рубашку на кровать и продолжила ревизию. Обнаружила еще три своих блузки, которые сочла утерянными при переезде. Интересно, замечала ли Эмми, что ходит не в своих вещах?

Она приехала сюда с минимальным багажом, в буквальном смысле начала с нуля. Именно такой я ее знала – уходя, Эмми не забирала с собой ничего. Ее немногочисленное имущество – машина, мебель – раньше принадлежало кому-то другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

1 миля равна 1,62 км.

2

Сто шестьдесят пять сантиметров. (Здесь и далее прим. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/miranda_megan/ideal-naya-neznakomka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить